

Юрий КУЗИН

А-ТИПИЧНАЯ АНГЕЛОЛОГИЯ:

travelling серафима / zoom сатаны

tractatus¹

леммы / глоссы

1. Бог и дьявол мыслят/говорят порознь: Создатель – именует вещи; враг – судит о вещах превратно.

И в самом деле, философу, вознамерившемуся понять оба дискурса, божественный и inferнальный, следует отказаться от безнадежной затеи и выйти сухим из воды, или обратить глаза зрачками внутрь. Зачем? «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»².

И, поскольку я буду называть тварь «вещдоком», уличающим Творца в акте творения, мне не уйти от роли дознавателя, выбивающего показания. Я намерен исследовать себя как потерпевшего от зачатия, вынашивания и изгнания. И хочу сразу оговориться: мой трактат – тяжба, правда с одной оговоркой: вручение иска ответчику не представляется возможным, – Ничто в бегах. Да и судью не выманить и калачом из совещательной комнаты. По этой причине моё заявление некому принять или отклонить. И тот факт, что термины «пропозиция» и «пресуппозиция» фигурируют в трактате наряду с «богом» и «дьяволом», ещё не повод трубить о победе секуляризма. Я хочу показать, как наука использует «внутренний опыт», включая религиозные практики, как засадный полк, который придерживался для вылазки в стан врага: непродуманного, непрочувствованного, непрожитого.

Наука там, где парадигмы верифицируемы и фальсифицируемы. И поскольку религиозный опыт описан, то феномен откровения должно исследовать как факт, а не табуировать как плод фантазии или аберрацию. Данный трактат – инструмент научного (объективного) описания феноменов и ноуменов. Но без обиняков относится и к жанру богословской литературы, с той лишь оговоркой, что автор не «окормляет» заблудших.

1.2 Прежде чем элиминировать из ума как недо-понятие (Декарт) непредставимое/невыразимое, зададимся вопросом: кто тот, кто судит, что «есть», а чего «нет»?

«Нельзя ни высказать, ни мыслить “не есть”» (В 8.8-9 DK). Выдвинув этот запрет мыслить не-сущее как сущее, Парменид сколотил прокрустову кушетку, на которую рациональность вот уже две с половиной тысячи лет укладывает дискурсы, отстаивающие права Ничто на суверенность. Трактат – попытка интуиции выпростаться из-под ремней, которыми рассудок приторочил к ложу религиозную проблематику, а нож нетерпимости занёс над головами несогласных. Трактат вопиет о милости к дискурсу, который, быть может, недостаточно строг, но и не похлопывает традицию по плечу. Какие цели я преследую?

Во-первых: поставить вопрос о причинах парадигматической инфляции. **Во-вторых,** дать феноменологическое/дескриптивное описание кино-метафоры как способа философствования в условиях дискурс-стресса и коллапса речевой функции.

Я буду говорить об ангелах, но намерен обсудить и доказательства бытия Бога, как, впрочем, и контраргументы. Вера вне логики. И, тем не менее, полезно исследовать виртуальный конструкт, с помощью которого рациональность подставляет плечо

¹ «А-типичная ангелология» – это составная часть философского трактата Юрия Кузина «Тринокляр», который в полном объеме заинтересованный читатель найдет по ссылкам: <https://clck.ru/33jKnj> + <https://clck.ru/33cYXg>

² Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы», кн. 3, гл. III.

интуитивному познанию, а наитие снабжает разум инструментом уяснения прежде неуяснённого в виде не-конвенциональных речевых импликатур (non-conventional implicatures).

1.3 Бог являет Себя в Именах, чтобы те, кто боговидение/богообщение понимают рассудочно, терпели фиаско.

На этом допущении я строю гипотезу перманентного явления Богом своих имён. Я уверен, что в XX веке Создатель вложил в кинематограф проповедь благочестия, как в средние века — в иконопись. Предвосхищая тему, не могу не упомянуть статью «Сталкер» как икона» Северина Кусьмерчика, где критик, говоря об Андрее Тарковском и его круге, предвосхитил мистическое богословие кино, о котором, собственно, и пойдёт речь¹.

1.4 Бог иудеев, Бог философов, Бог часовщик – череда метафор. Возможно, пришло время Бога-Кинематографиста, – во всяком случае, если есть троп, способный влить свежую кровь в метафизику, грех им не воспользоваться.

Но прежде, чем говорить о священном и профанном, божественном и inferнальном, уясним, что не-сущее не явлено реально (как вещь) или идеально (как предмет), оно присутствует/отсутствуя, — как ноумен без феномена. И о том, что невыразимое топчется за кулисой, ум лишь догадывается. А поскольку предмет науки — достоверное, а то, чего нет, не-верифицируемо/не-фальсифицируемо, то объектом исследования я делаю воображение, но не как функцию психики, а как результат со-бытия встречи ума и умопостигаемого.

Я надеялся метод аутодескрипции презумпцией истинности. Поэтому в трактате так много самоописаний. Я черпаю в них материал, который нельзя элиминировать из опыта, не изъяв сам субъект. Я допускаю, что существует идеальный конструкт (воображаемое), который налаживает двухсторонний диалог между чувственностью и умом. А, взяв в качестве предмета мышление, которое не обзавелось субстанцией и субстратом, я намеренно со-полагаю религиозный и киноведческий дискурсы, поскольку их роднит бытие в грёзе.

Воображение и воображаемое я не увязываю в причинно-следственную связь как часть и целое. Воображаемое — и в локусе откровения, если речь о промысле, и в качестве инсайта, если речь о науке, и в форме безумия, если субъектность изъята из ума, а психическое «дано» себе в спонтанной и хаотической череде флуктуаций, — так вот, воображаемое наделено энтелехией и гипостазирует своё бытие. Значит ли это, что автор солипсист? Ни в коем случае. Я лишь исследую условия, при которых бытие-ум-небытие встречаются как деятели, наделённые воображением.

В детстве я атаковал кинотеатры. А просочившись в зал, когда публика валила на улицу, щурясь от слепящего солнечного света, таился в портьерах. Дождавшись, когда погаснет свет, а билетёр уйдёт, я усаживался на первом ряду. Когда плёнка рвалась, зрители стучали ногами, свистели и орали: «сапожник!», а я залеплял уши ладонями и соединял по памяти лоскуты сюжета. Со временем я понял, что рассказ (как набивную нить Пенелопы) вытаскивает луч проектора. И образы, отразившись от экрана, попадали в мой ум. Здесь был свой кинозал. Здесь узрение (бобина, куда легче той, что со скрежетом вращал лентопротяжный механизм) устраивало кинопоказ, который не прерывался и тогда, когда я плёлся домой, сожалея о финальных титрах.

1.4.1 Верно, что в свете, бьющем из кинопроектора, обитают светлые духи, что сеанс – литургия, а публика – соборяне.

И если в отрочестве на вопрос: «существует ли Бог?» я без запинки отвечал: «нет». То, повзрослев, изгваздавшись о бытие и Ничто, я понял, что на вопрос этот нельзя отвечать «без запинки», что знание и вера — разные способы бытия при истине. О Боге следует молчать, поскольку молчание кротко. Да и вопрос о существовании Бога нелеп. Ведь достоверный ответ предполагал бы, как минимум, верификацию (проверку доводов опытом). Но это едва ли вероятно.

1.5 Бога нельзя уложить на прокрустово ложе опыта, теории или интуитивного познания. Бог ноумен без феноменов. И тот, кто уверовал в Промыслителя, стал аргументом в Его пользу. Часто – единственным.

Таким образом, вера, молитва, откровение, равно как и жития святых, составляют скудный арсенал доказывания. И в самом деле, опыт богопознания отличается от научного (рационально-практического) исследования истины. В первом случае верующий — и объект полевых исследований, и их субъект. Учёный же дистанцируется от

¹ Seweryn Kuśmierczyk. Stalker jako ikona. Статья была опубликована и в польском теоретическом журнале «Иллюзион» (1/1987), и в венгерском «Фильмвилаг» (9/1987). Пер. с пол. В.Нарымовой // Киноведческие записки (М.). — 1989. — №3. — С. 176-184.

явления, вынося за скобки существование как аберрацию, искажающую объективный факт. Мистик практикует боговидение/богообщение, учёный опирается на опыт, исходя из гипотезы, теории, парадигмы, которую академики, скрепя сердце, нарекают конвенцией, разделяемой большинством.

Уже в юности я отверг попытки Ансельма и Аквината доказывать реальность Бога доводами рассудка. И тут же привёл «свои», стыдливо назвав их «слабыми». Я создал богословие, где Рай — плёночное кино, а ангелы — Люмбер и Мельес, Жан Виго и Трюффо, Бергман и Куросава, Параджанов и Тарковский... Разве, думая о Боге, мы не говорим: ты наш «священный ужас», или — «кулак, наминающий нам бока»? Мы кутаем наготу в рубище из символов и тотемов, флагеллируем тела и души, чтобы, услышав, как трещит по швам наша гордыня, Господь заглянул на огонёк. Но визит откладывается. Бога в равной степени смешат и апофатики, и катафатики. Зная это, я философствую с куском стейка на тарелке и богословствую на голодный желудок. Пережёвывание ритмизирует ход размышлений, в то время как чувство голода бодрит душу. И, забившись, как моллюск в перламутровую раковину, из которой его вот-вот извлечёт кривой нож нырлящика, я вновь перечитываю Фому Аквинского. Что-то подсказывает мне, что «доказательства» бытия Бога не более чем спекуляции, обосновывающие «истинность тезиса» причиной, выводимой из её же следствия. Но заклеить этот абсурд я не решаюсь. И сам доказываю то, что некогда считал происками лукавого. Но прежде, чем излагать своё «карманное богословие», перечислю аргументы Ансельма/Аквината:

Космологический аргумент. У Вселенной было начало, следовательно, у нее должна быть и причина. И самая первая, приходящая на ум — Бог;

Телеологический аргумент. Порядок, гармония и признаки цели во всём сущем (целеполагание) доказывают наличие разумной причины такого устремления — Бога;

Моральный аргумент. Совесть, как императив, не от мира сего, следовательно, существует Бог — источник правды и нравственности;

Онтологический аргумент. Думая о самом совершенном существе, самым актом мышления мы удостоверяем Его существование, а следовательно, Бог есть — поскольку мы Его мыслим;

Этот аргумент настолько сложен, что нельзя не дать разъяснений, которые, как выясняется, ничего не разъясняют. И, тем не менее...

Онтологический аргумент (продолжение). Бог — то, более чего нельзя помыслить. Но так как существующее в действительности куда выше по рангу существующего только в понятии, а Бог, как совершеннейшее Существо, включает в Себя и сущее, и мышление о сущем, то Бог существует.

Другими словами, Бог — неразрывное единство мыслящего и мыслимого. Есть мнение, что Кант «преододел» онтологическое доказательство в сфере чистого (теоретического) разума, — из понятия Бога, понятия об [А], нельзя вывести существование Бога, существование [А], поскольку из этих понятий «выводимы» лишь предикаты, содержащиеся в этих понятиях, но не кванторы и не сами эти понятия. Однако, говоря о практическом разуме (нравственной свободе), философ пришёл к обоснованию безусловного принципа морали или категорического императива (от лат. *imperativus* — повелительный), рассматривая его как долженствование, внутреннее разумное принуждение к нравственным поступкам, что составляет объём понятия долг, и, по сути, обосновывает существование Бога как «вещи в себе».

Мои «доказательства» в пользу бытия Бога-Кинематографиста, будучи «слабыми» аргументами, не безупречны с позиции силлогистики. И всё же я приведу их, скорее в назидание своевольникам, видящим, как низко я пал, нежели в помощь христианам:

Слабое логическое. Если фильм лежит на полке, значит, есть и режиссёр, снявший его, и автор, написавший сценарий (даже если этот автор — режиссёр). Нет фильмов без режиссёра и автора, следовательно, Автор существует;

Слабое эстетическое. Если созданы шедевры: «Атланта» Жана Виго, «Андрей Рублёв» Андрея Тарковского, «Под стук трамвайных колёс» Акиры Куросавы, то существует и Бог, поскольку всё совершенное — не от мира сего;

И в самом деле, вначале историю, рождённую в Божественном Уме, экранизируют ангелы. А устроив премьеру в небесном кинотеатре, передают права на фильм режиссёру, и тот уже снимает сиквел (англ. *Sequel*, от лат. *sequella* «продолжение; приложение»), чтобы продемонстрировать киноманам на закрытых сеансах.

Но шутки в сторону. Не уяснив, что такое мышление, не подступиться к онтологическому доказательству, давно переросшему узкие рамки теологии. К «онтологическому аргументу» прибегают, когда непонятно, как верифицировать и фальсифицировать непредставимое/невыразимое.

А исчислив предикаты того, чего не было, нет и никогда не будет, установив априорные пределы рассудка, т.е. усадив своевольника на шесток, с которого ему и

носа нельзя казать, я пришёл к неутешительному итогу. Я пришёл к выводу, что моя мысль вовсе не моя мысль, что мной, посредством меня и во мне мыслит НИЧТО. Выходит, мысли бесхозны и своевольны.

«Слабое» онтологическое.

Однако Библия указывает на источник мыслей, которые принадлежат:

1) падшим духам, отсюда и предостережение: «Берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль» (Втор. глава 15, стих 9); **2)** Господу и его ангелами, при этом смертные не «знают мыслей Господних и не разумеют совета Его, что Он собрал их, как снопы на гумно» (Лк. 1:17).

Но как мысль крепится к человеку? Никто не даёт ответа. Задавшись вопросом: где премудрость обретается? и где место разума? праведный Иов с печалью констатирует: «Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых» (Иов. 28:11-13). Святитель Григорий Нисский отказывает человеку в уме, который «не привязан к какой-либо части тела, но равно прикосновенен ко всему телу, подобно с природою произведя движение в подлежащем его действию члене»¹. Но если ум вынесен за пределы тела, не логично ли, полагают экзегеты, искать вне тварного и нетварную мысль.

В Слове 21-м, посвященном св. Афанасию Александрийскому, святитель Григорий Богослов прямо указывает на «место», которое приличествует уму: «Ибо что солнце для существ чувственных, то Бог — для умственных; оно освещает мир видимый, а Он — невидимый; оно делает телесные взоры солнцевидными, а Он умственные природы — боговидными. И как солнце, давая возможность видящему видеть, а видимому быть видимым, само несравненно прекраснее видимого, так и Бог, сделавший, чтобы существа мыслящие мыслили, а мыслимые были осмысливаемы, Сам есть вершина всего мысленного»².

Моё отступление затянулось. Но, поскольку я назвал свой онтологический аргумент «слабым», предпошлю ещё пару слов.

1.5.1 Верно, что Бог ноумен без феномена. Бог гипостазирован, но в-Себе и для-Себя.

И в самом деле, Бога не залучить в сети перцепции/апперцепции. При этом Бог экстраполирует Себя в вечность, в безначалье, и лишь изредка умаляется до усечённого бытия-вот. А выделив из Себя «человеческое, слишком человеческое», Отец преисполняется Милости, поскольку через распятие, смерть и воскресение из мёртвых Спасителя (самой низшей точки божественного нисхождения), — входит в грех, чтобы убелить его СВЕТОМ слова Господня.

«Царство божие внутри вас есть», — говорит Христос (Лк. 17:21). Впервые прочитав фразу в отрочестве, помню, как я был огорошен, как потерял аппетит и сон. Если, думал я в какой-то горячке, в полузабытии, в хороших мыслях квартируют ангелы, то воображение отдано на откуп бесам... Так я размышлял, будучи школьником, в котором пубертат хозяйничал, как домушник в ограбленной им квартире.

Алет двадцать спустя я наткнулся на одну VHS-запись. На видео насельник Псково-Печерского монастыря архимандрит Иоанн (Крестьянкин) совершал прогулку в обществе молодого монаха. Обычный, казалось бы, поход за хлебом, который изо дня в день проделывают миллиарды человек, отец Иоанн превратил в Великое славословие (греч. *Ἦμεγάλη δοξολογία*). Свой путь он начал с евангельского стиха «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14). Идут. Но не проходит и десяти секунд, как Старец придерживает бойкого спутника, чтобы прочитать духовный стих, или пропеть Тропарь. Иногда отец Иоанн останавливается намеренно, чтобы виновато и с надеждой упросить монаха подсказать выпавший из памяти фрагмент. А получив молитвенную поддержку, с новыми силами продолжал служить Богу... В миропонимании архимандрита, основанном на искреннем исповедании Православия, не было места пустотам, лакунам, которые, как полагал старец, тут же заполняют падшие духи. Как стойко охранял пастырь подступы к своей душе, обходя внутренним кажда-нием сокровищницы духа, которые он копил, чтобы щедрой рукой дарителя раздавать тем, кто убог, слаб телом и душой, кого бес попутал.

Вспоминая VHS-запись об этом «не святом святом», как назвал отца Иоанна (Крестьянкина) митрополит Тихон (Шевкунов), я пришёл к выводу, что воображение и грех нельзя увязывать, что фантазии могут быть полезны и богоугодны. Но как я ошибался. И, сняв фильм о детских годах Гитлера в австрийском Линце, я впал в прелесть, из которой выбрался, потрёпанным и обессиленным, лишь двадцать лет спустя. Об этом, собственно, я и рассказал в повести «Люцифериада».

1.5.2 Верно, что антологический аргумент – кинематографичен до мозга костей.

¹ Григорий Нисский. Об устройении человека. Спб., 1995. Глава 3, с.135.

² Григорий Богослов. Слово, 21, 1, 9-26.

И в самом деле, где увидеть Бога нос к носу, как не на съёмочной площадке! Горстка энтузиастов сгрудилась у камеры, обставленной световыми приборами: художник декорирует пейзаж, режиссёр разводит мизансцену с актёрами, оператор репетирует с объективом, переводя фокус то с одного артиста, то на другого. Но есть и незримый Сценарист, — тот, кто «топчется» где-то у камеры, отбрасывая тень «присутствия» в кадр. Что же такое кино, как не метафизика СВЕТА! В кадре (психология) — то, что ограничено кадровым окном, рамкой познания. За кадром (онтология) — то, что Кант назовёт «вещью для себя», о присутствии коей мы догадываемся по «тени», отброшенной в кадр. Бог есть Свет. Препятствуют же Свету — тварь и грех, загораживающие Господа, становящиеся источником тьмы. Свет и тень образуют «свето-тень», — то, что Хайдеггер назовёт *Dasein* или бытие-вот. Всё, что я перечислил: и Мир, который режиссёр помещает перед камерой, что запечатлено, и Свет Фаворский, бомбардирующий атомы серебра на ландрине плёнки, — всё это доказывает неверифицируемое: **Аз есмь!**

Следовательно, мысль, как боговдохновенная тварь, доказывает незримое присутствие Отца Небесного в акте мышления. В акте этом идеям дышится легко, и слезу, выкатившуюся на зардевшуюся щеку, здесь утрёт белоснежное крыло ангела.

Так каков же мой онтологический аргумент? Вот запись, которую я набил на клавиатуре ноутбука. И, признаюсь, мало, что понял из того, что набил. Так бывает, когда ты извлекаешь из себя породу, не зная, сколько в ней сланца, а сколько руды.

1.5.3 «Слабое» онтологическое (вариант 1). Так как существующее в действительности выше по рангу существующего в понятии, а Бог, как совершенство, включает в Себя как сущее, так и мышление о сущем, то Бог существует.

Сложно. Неудобоваримо. А что, если всё изложить киноязыком? Тогда получим онтологическое доказательство, основанное на казусе, а не на силлогистике Аристотеля.

1.5.3.1 «Слабое» онтологическое (вариант 2). Поскольку кинокамера запечатлевает то, что «дано» неопровержимо и очевидно, и не видит «тени» Господней, отброшенной в кадр Тем, кто незримо топчется за спинами актёров, а Бог, как Всевидящее Око, отбрасывает на сетчатку как съёмочную группу, режиссёра, так и образ тени, с помощью которой постановщик намеревался залучить незримое/непредставимое, то Бог существует.

Другими словами, Бог *существует* потому, что и мыслимое (мир), и мышление о мире (интеллигибельное) пребывают обоюдно в Совершенном Уме. Но ум есть и у человека. Почему же человек не Бог? Человеку, чтобы стать Богом, предстоит обзавестись Умом иного порядка. Умом, который мыслит и мир, и человека в мире, и причину того и другого. Такой Ум/Нус принадлежит Абсолютному субъекту. Но длить эти, вложенные один в другой акты, Богу скучно. И, чтобы избежать «дурной бесконечности», Господь делает предметом Воли не одни лишь акты, но и полагание, т.е. *creatio ex nihilo*.

«Слабое» лингвистическое (вне-дискурсивное). Верно, что, воздерживаясь от слов, мы приближаемся к СЛОВУ.

И в самом деле, «высшее не выразить предложениями», — Л.Витгенштейн («Трактат», 6.42). И чем строже воздержание от хулы и похвалы, тем ближе Господь. Думая о Боге с позиции откровения, трудно не поймать себя на мысли, что опыт самочувствия, самосозерцания зыбок, недостоверен, а в аспекте религиозной прагматики, онтологии, лингвистики, психологии, феноменологии — неудобоварим.

Прежде чем сказать что-то о Творце, — о свидетельстве речь не идёт, — нужно: **а)** знать грамматику, лексику, коммуникативные стратегии и когнитивные стили, которыми приемлемо изъясняться о Чинах; при этом речь не должна быть калькой с традиции вопрошания, заискивания или юродства, которыми тварь, желая подстелить соломку, снабжает тексты булл, бреве, моту проприо, энциклик, апостольских писем (*epistolae apostolicae*), синодальных обращений; **б)** стать малым Логосом, удалив из себя всё аполлоническое и дионисийское; **в)** иметь опыт умной молитвы, умного делания, нестяжательства, видений, которые, однако, следует поставить под суровый контроль духовника, дабы избежать прелести, соблазна, искушения, грехопадения. И это только «скорая помощь» для мысли, затеявшей опасное предприятие.

«Слабое» когнитивное. Если в мире есть предел, то есть и Бог, поскольку то, что не знает границ — «дурная бесконечность», а дурное несовершенно. Поэтому самоограничение (при наличии свободы быть беспредельным) признак Наивысшего Ума. Такой Ум, будучи Совершенством, принадлежит Богу. Следовательно, Бог Есть!

И в самом деле, Бог создал классический мир, бес — многомирие. Бог самоограничился лучшим из миров, дьявол, не способный к дисциплине ума, искушает

человека бесконечностью, вариативностью, избыточностью, беспределом. Добавлю — парадоксами. Вот один из них: «Бога нет. Бог настолько свободен, что Его нет. Он не привязан даже к обязательному бытию» (В.В.Бибихин)¹.

В этом афоризме Владимир Вениаминович демонстрирует недюжинный ум. Здесь бес мыслит вскладчину с человеком. Оба ходят по тонкому льду. На первый взгляд аргумент В.В.Бибихина остроумен, парадоксален и этим заслуживает уважение. Но только на первый взгляд заслуживает. Ведь Бог сотворил бытие, не будучи причастен ни сущему, ни не-сущему. В этом смысле мысль и Бог — одно. И если Бог создал тварь, то заил её прежде в Уме и уже потом посредством детородного СЛОВА. Господь обременён обязательством — быть вольноотпущенником Себя. И уж если пускаться во все тяжкие, то следует довести до абсурда идею свободы, которая сбила с толку даже такого пронизательного философа, как Николай Бердяев. Возьму грех на душу и скажу: Господь настолько свободен, что готов стать рабом, прикорнувшим после *шестогнева*, и — патрицием, тычущим в бездельника стимулом (лат. Stimulus, букв. заостренная палка).

Бог и Бытие, и Ничто́, и обоюдное, но ему люб и мрак Господень, где Отец укрывается от назойливых просителей, ведь сказано же: «И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. 20, 21). К тому же в формулу В.В.Бибихина вкралась логическая ошибка: быть свободным — пребывать в существе свободы, т.е. одариваться существенным, что есть чтойность, и — пребывать в *самое само СВОБОДЫ*, как её истинным смысле, т.е. пребывать в понятии свободы, которое ещё не согнулось под тяжестью онтологических обязательств. Свобода как понятие себя есть пресуппозиция, в которой ещё не детерминирован её, идеи абсолютной свободы, индетерминизм... Всё это В.В.Бибихин знает, но утаивает.

Итак, свои аргументы я назвал «слабыми». И буду придерживаться этого определения. Правда, возразят: зачем ты, — не иерей, не монашествующий, — посмел окормлять? Но я не окормляю. Боже упаси! Я лишь развиваю метафору СВЕТА, бьющего из кинопроектора, в котором Бог являет Себя миру, как в Средние века Он являл Себя в византийской и русской иконе. Допустим, скажут. Но не является ли твоя блажь родом прелести?

Вопрос резонный... Но прежде следует ответить: действительно ли миром правит случай — молочный брат детерминизма/индетерминизма, а Бог уволен без выходного пособия? Уволен тварью, к которой прикипел всем сердцем настолько, что послал сына Своего Единородного, чтобы взял крест мира и был распят?

1.6 Почему Бог не ставит человеческую мысль в угол, не снимает отцовский ремень, когда своевольница таскает из школы двойки, заводит сомнительные знакомства?

Мой ответ: Господь долготерпит, т.е. знает и молчит. Но, если Бог Всезнающ, т.е. осведомлён о греховоднице-мысли, может ли человек считаться вольноотпущенником, а Создатель — Всеблагим? Разве, спросят, всеведение не связывает по рукам и ногам, вынуждая Отца совать нос в дела дочери, собирать сплетни, рыться в её белье?.. Грош цена человеческой свободе при таком полицейском надзоре, где прослушивают телефоны, ставят жучки, наводят справки. Как Бог решает эту дилемму? Он закрывает глаза и залепляет уши — пусть человек наломает дров. Это его прерогатива. Его свобода само-полагания. Так Бог вежливо откланивается, чтобы позволить человеку поступать по совести.

Вероятно, Бог устранился, чтобы свобода воли не превратилась в фикцию, но прежде «вольная», как право выбора альтернатив, должна дорасти до сознания свободы, что для твари равнозначно шагу к теозису (к «обожению»). Но, возможно, геном свободы намеренно не редактируется Создателем, для которого существует только Его абсолютный ГЕНОМ?

1.7 Своеволие Бытия и Ничто́, хватающих с обеденного стола Создателя крошки, чтобы сунуть в рот, Бог пестует.

И в самом деле, Творцу нужен «крот», чтобы находил изъяны в творении. Бог инспектирует своё внутреннее полагание. Бог работает с отчётами, принимает к сведению «служебные записки» о состоянии дел.

1.8 Бог вовлекает в Промысел тех, о ком печётся.

Но чувство свободы не может удовлетворять. Богу подавай индетерминизм в структуре детерминизма и детерминизм в структуре индетерминизма. Богу любя инверсия и конверсия. Бог пресыщен акциденциями и креациями.

1.8.1 Чтобы спасти грешника, Бог ставит на кон Свои ипостаси, энергии, имена.

¹ Бибихин В.В. «Абсолютный миф А.Ф. Лосева», «Начала» №2-4, М., 1994.

А встретив упорство твари, погрязшей в грехе, Бог обрушивается внутрь Себя, не желая часами спускаться по винтовой лестнице с площадками для тех, кто страдает отдышкой. Но покладистость возвращает Его в хорошее расположение духа. А отпустить тварь на вольные хлеба, Бог намеренно урезонирует всевластие и всезнание. Но самоумаление не роняет Его в собственных глазах. Напротив, Господь возвышает Себя абсолютно, поскольку тот, кто устанавливает предел собственному всевластию, всемогущ втройне. Бог с лёгкостью перескакивает ступени познания, полагания, и даже лихо съезжает по перилам. А будучи априори трансцендентальным объектом (нем. *das transzendente Objekt*), Бог превращает Свои трансцендентальные способности в трансцендентальный предмет (нем. *der transzendente Gegenstand*), т.е. подвергает критике Собственный практический разум, Собственный чистый разум и Собственную способность суждения.

1.9 Бог отбрасывает способности как предел, препятствующий априоризму. Бог полагает Себя вне демаркаций. Бог индифферентен к пределам.

Но вернёмся к трактату. В нём я излагаю гипотезу перманентного явления Богом своих имён. Но мало доказать или опровергнуть довод. Я строю метод и на дефинициях, и на интуициях, что позволяет «расшнуровывать» понятия, даже если конвенционально они «застёгнуты» на все пуговицы.

1.10 Первый шаг к знанию – растождествление означающего.

Любой устоявшийся дискурс можно проблематизировать. Срывая с вещи покров стыдливости, её феноменальность, обнаруживаем её ноуменальность. Предстоит вскрыть иррациональное в рациональном и рациональное в иррациональном. Для этого следует: **1)** проводить аналогии, находя схожие черты в вещах — тех, что уяснены, и тех, что нуждаются в уяснении/доуяснении; **2)** выворачивать вещи существенным наружу, чтобы вскрыть построй под покровом. Подобную инверсию, перенос *внешнего* во *внутреннее*, и контр-перенос внутреннего во внешнее, я называю **изнанкованием**.

С чего начать процедуру? С утверждения, что мысль пестуется не дипломами, а буреломами. И в трактате я совершу вылазку в бурелом непродуманного и даже укажу на местопребывание Господне. Разумеется, речь не о небесах. Поскольку, повторяюсь, верующему незачем знать этого. Вера и есть небеса. И там, где вера, там уму делать нечего.

1.11 Итак, предмет А-типичной ангелологии – ипостаси света (phos).

Уже Христос уподобляет себя «свету», говоря: «Я свет миру...» (Ин. 8:12). С «Богосначальным лучом» сравнивает свет истины Псевдо-Дионисий Ареопагит¹. Свою «мистагогию», выражаясь в терминах Максима Исповедника, я строю на сопоставлении света *тварного* со светом *нетварным*. Первый — духовный свет (*phos noeton*) — непосредственно источает божество. Второй материальный свет (*ϕύση*) опосредован актом творения. Этот свет — как часть твари, природы, — подчиняется физическим законам. Речь идёт о солнечном свете, состоящем из ультрафиолетовых коротких волн (280-400 нм), видимого света средних волн (400-700 нм) и длинных, инфракрасных волн (700 нм — 1мм). Свет средних волн и проникает в линзу киноаппарата, чтобы вышибить лишние ионы серебра с ландрина плёнки. Вновь этот луч заявляет о себе в форме электрического тока, когда, воспламенив лампу накаливания кинопроектора, искусственный свет вырывается из будки киномеханика, чтобы бомбардировать фотонами сетчатку глаза и мозг.

И в этот искусственный свет, как прежде в икону, Бог вложил проповедь благочестия. Миру был явлен «просвет (*Lichtung*)», который по достоинству оценил Хайдеггер и который прежде предвидел Фёдор Михайлович Достоевский, создавая образ косых лучей заходящего солнца в целом ряде своих романов.

1.11.1 Чтобы указать на ангельские чины, Бог создал грёзу, вдохновив одних на технические идеи, других – на творческий порыв.

И, как прежде иконописец, кино явило миру три триады ангелов по три чина в каждой. Ангелы кино не шелестят крыльями, не обрушивают каскады золотых волос, не тарачат выразительных глаз, которые с трепетом душевным рисуют нам иконописцы и географы. Нет, эти бесплотные духи вполне материальны — монтажные столы, кинокамеры, рулоны плёнки, световые приборы, линзы кинообъективов...

Ангелология, развёрнутая в трактате, маргинальна, и имеет мало общего с *Corpus Aegoragiticum*, где представлено учение о трёх триадах: Ангелы, Архангелы, Начала; Власти, Силы, Господства; Престолы, Серафимы и Херувимы. Исследуя Чины в свете онтологии, гносеологии и эпистемологии, я не могу не заметить, что воображение, притязающее на истину в данном щекотливом вопросе, всё же следует отличать от репродуктивной фантазии Гуссерля.

¹ Дионисий Ареопагит. О Церковной иерархии. I, 3. Творения. СПб., 2002. С. 575.

1.12 Верно, что откровение дано arġiġi как имманентный Богу род благовествования, а не как плод беспочвенного фантазирования.

1.13 Теозис (обожение) не удостоверяется в perceptio/apperception и относится к презумпции внутреннего опыта.

Ребёнком я верил, что внутри света, бьющего из кинобудки, обитают духи. Правда, ангелы эти не были с округлыми, как у волжских голубок, крыльями. Собственно, детство и соткано из воображаемого — плода воображения. Сюда же следует отнести и религиозный опыт. Разве, говоря об ангелах, мы не используем модальные глаголы и наречия probably (вероятно), possible (возможный), зная предмет лишь «гадательно», а не «наверняка», на чём настаивает строгая наука. К примеру, апостол Павел (1Кор 13:12), относя трудности познания Бога на счёт несовершенства ума, писал в 1-м послании к коринфянам (13:12), что «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

Грех ослепляет. И только Иисус излечивает как физическую, так и духовную слепоту (Мф. 113:17; Ин. 9:39). И, как метафора пелены, которая застит духовный взор, слепота ассоциируется с невежеством (Рим. 2:19). Но свет кино разрушает мрак невежества. Образы, отразившись от экрана, попадают на сетчатку глаза, а затем отбрасываются на внутренний экран. Так божественное а arġiġi и человеческое а posteriori образуют ВООБРАЖАЕМОЕ.

Воображаемое есть credo, а разум, которому запрещено пестовать чувственность, уверовавшую во Христа, не может быть посрамлён хотя бы потому, что указывает религиозному чувству на его «шесток», а вере — на смертельную опасность, которая её подстерегает — фанатизм.

Но как, спросят, обнаружить в кино ангелов? За ответом отошлю к философам аналитикам. Если те не видят ничего предосудительного в признании математикой «существования неосязаемых объектов» (чисел), то столь же правомерно существование и воображаемых объектов, а также вероятностей, лежащих за пределами воображения.

1.14 Бог реален в той мере, в какой правильно имплицированы понятия «существует» и «реальность».

И в самом деле, если значение слова «существовать» расширить, признав за неэмпирическим опытом право на сущее (как поступают с числом аналитические философы), то отпадут и упрёки в не-верифицируемости и не-фальсифицируемости Бога.

Но сомнения гложут. Как познать субъект, чьи предикаты неисчислимы? Тут без наития не обойтись, — не обойтись без эйдетической, интеллектуальной и мистической интуиции. Но возможно ли познать Бога по косвенным доказательствам? Да, возможно. При условии, что предметом выступит не Творец, а самоощущение, самоотчёт наблюдателя о действии божественных энергий в-нём и на-него.

1.14.1 Познание Абсолюта сводится к пересчёту ссадин и гематом, вызванных «встречей» с а arġiġi. Бог не познаваем. Бог осязаем.

Как возможно изгваздывание о трансцендентное? Метаморфозу (upgrade), происходящую в-твари, хлебнувшей лиха при встрече с нетварным, я кладу на стол скептиков в качестве онтологического доказательства, понимая весь субъективистский его уклон. И в самом деле, не кажется ли смешным, когда Богу не позволяют ретироваться, поскольку пёструю нить Его божественной ризы, застрявшей в дверном проёме, извлёк и сунул под микроскоп какой-то доброхот. Можно ли принимать в расчёт само-описание? Речь идёт о косвенном знании, полученном в результате не-собственно-прямого созерцания, — того, что Фихте называл нечувственной интуицией (intellectuelle Anschauung), которая действительна (activ), а не страдательна (passiv), т.е. абсолютна и деятельна (tätig).

Но что есть наитие? Наитие складывается из пазлов: **а)** продуктивного воображаемого или творчества; **б)** деструктивного воображаемого или безумия; **в)** негативного воображаемого или откровения.

1.14.2 Искомое, т.е. Бог, обитает в молитве пребывающего во внутреннем кажении ума.

1.14.3 Натыкаясь на Бога в-себе, ум исследует не божество, а свои «ожоги» о пепел бивака, разбитого Творцом. Бог вычленяется из преображённой чувственности, но не как пропозиция, а как пресуппозиция, т.е. как смысл, который топчется за дверью ума, но не решается войти.

И верно, Бог на пороге. Он мысль, которая только и ждёт вербально-логического

оформления.

Но вернёмся к кино. Метафора Бога-кинорежиссёра понадобилась мне, чтобы установить аналогию между внутренним опытом и неизъяснимым. Как известно, аналогия есть сходство двух предметов (групп предметов) в каких-либо свойствах или отношениях, — при этом нельзя упускать из виду, что умозаключения по аналогии более близки к индукции, чем к дедукции. И, затеяв богословский трактат, я намерен провести аналогию между *типичной* (модель) и *а-типичной* (прототип) ангелологиями. Я намерен исследовать и аналогии свойств, и аналогии отношений, используя кино как модель мироустройства и как чернилу, которыми эта модель описана. Другими словами, меня интересует аналогия Бога и Ничто.

Но если есть а-типичная, должна быть и типичная ангелология, а следовательно — типичный или а-типичный Бог. Но попробуйте отыскать Бога или собственную мысль, выпавшую из головы, с фонариком в руке? И вы поймёте, что искомое, вероятнее всего, закатилось подпол, юркнуло в щель линолеума или рассохшегося паркета, что лежать ему до скончания века между ржавыми цыганскими иглами, надтреснутыми пуговицами и медяками, вышедшими из употребления. Идеальные объекты только делают вид, что относятся к монадам и субстанциям, а в действительности же они — призрачно-сущие.

1.14.4 Верно, что Божественный Свет, преломляясь в Оке/Глазе, создаёт Мир горний и Мир дольний.

Но Свет — обоюдоострый меч. У света два вектора: от Бога к человеку (тогда это мистический, фаворский свет); от человека к Богу (тогда это свет познания). Светом как трансфером пользуются как идеи, так и падшие духи.

1.14.5 Верно, что и Бога, и человека соединяет свет Красоты (kallos). И по этому свету, как по Лестнице Иакова, Бог нисходит, а человек восходит.

Так, в трактате «О Божественных именах» Псевдо-Дионисий Ареопагит говорит о Боге не иначе как о «архисвете и сверхсвете» (archiphotos kai hyperphotos). Но Бог и «сверхсветлая тьма» (hyperphoton gnophon) (MTh I 1). Дионисий часто употребляет термин «светоначальный и богоначальный луч» (СН III 2).

Свет не только согревает, защищает, но и пестует, просвещает заблудших, указывает грешнику на истинный путь познания посредством богоначальных «озарений» (elampusis) и «светодаяния» (photodosia)¹. Но что есть «Духовный свет (phos poeton)»? Теряясь в догадках, рациональному (научному) объяснению Дионисий предпочитает языковую игру, опираясь на неологизмы и новообразованные слова, так или иначе связанные с существительным «свет». И тогда «духовный свет» — «превосходящее всякий свет Добро как источающее свет сияние и воскипающее светоизлияние»².

1.14.5.1 Свет и акт творчества, и его результат. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1:3-4).

Господь так благоволил свету, что «одевается светом, как ризою» (Псалом. 103:2). Но свет и щит, уберегающий праведника: «Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» — восклицает Давид (Псалом. 26:1). Когда Соломон вошёл в храм, его «наполнило облако, и не могли священники стоять на служении по причине облака; потому что слава Господня наполнила дом Божий» (2 книга Паралипоменон. 5:13 — 14). Светоносным туманом покрылась и гора Синай, когда на кручу взошёл Моисей, чтобы получить закон от Бога (Исход, 24:15-18)... И здесь Моисей преображается, как преобразится позже Господь Иисус Христос. В книге Исход в главе 34 в стихе 29 сказано: «лицо его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним».

1.14.5.2 Свет и Бог — одно. «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме» (Ин. 8, 12).

Апостол Иаков называет Бога «Отцом светов» (Иак. 1:17). Как Солнце сжигает сорную траву, чтобы пшеница взошла и заколосилась, так и свет Господень высвобождает Павла из-под Савла. «Вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей» (Деян. 22, 6-8). Сцена кинематографична. Свет буквально вылепляет фигуру апостола из мрака (Деян. 9:3). И вот уже Павел делится с церковью опытом обращения: «Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе: поступайте, как чада света» (Послание Апостола Павла к ефессянам. 5, 8). Павел использует свет как троп, риторическую фигуру. Едва ли не в каждом обращении к верующим он призывает: «отвергнуть дела тьмы и облечься в оружие света»

¹ «Православная Энциклопедия», 2003 г. Т.3, с.195-214.

² Бычков, В. В. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита [Текст] / В.В. Бычков; РАН, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2015. — 143 с.

(Рим. 13:12). Свет предшествует чуду. Ведь прежде, чем ангел вывел Петра из темницы, в ней стало светло как днём (Деян. 12:7).

К образу света прибегают, когда речь заходит о когнитивных процессах. Ведь истина, данная Богом, светозна. «Слово Твое – светильник», – говорит псалмопевец Давид (Пс. 118:105). Но и в Новом Завете слово, исходящее от пророка, апостол Пётр уподобляет «светильнику, сияющему в темном месте» (2 послание Петра. 1:19).

1.14.5.3 Свет – синоним истины. И в главе 28, стихе 11, Иов приписывает человеку талант «выносить на свет сокровенное».

«Но где премудрость обретается? – спрашивает Иов. – И где место разума? (13) Не знает человек цены её, и она не обретается на земле живых. (14) Бездна говорит: «не во мне она»; и море говорит: «не у меня». И в самом деле, мысль, как притворно-сущее, не обретается ни в бытии, ни в Ничто. Мысль – в средостении. И только истинный Свет, т.е. Господь, знает, что и у кого на уме. Бог способен «обнаруживать сердечные намерения». Так, во всяком случае, отвечает на вопрос Иова апостол Павел в стихах 4:5, 1 главы, 1-го послания Коринфянам.

Нигде в Библии образ истины Господней не достигает такой тактильной визуализации, как в стихе 21-м главы 13-й книги Исход. Пустыня. Холод. Кромешная тьма. Израильтяне в отчаянии бредут по бездорожью. И Господь указывает им путь «в столпе огненном, света им, дабы идти им и днём и ночью».

Но Свет не был бы Собой, если бы не мрак. Свет и тьма антиподы. Будучи врагами, они, тем не менее, идут рука об руку.

1.14.5.4 Бог знает, каков свет a priori.

И в самом деле, инспектируя Землю накануне «шестоднева», Бог ужасается: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт. 1:2). Желая привести к гармонии своё полагание в-Себе со своим полаганием вне-Себя, Бог создал свет, отделив от тьмы границей (Быт. 1:4–5). Иов уточняет: «Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою» (глава 26, стих 10). Мрак часто ассоциируется со смертью. Говоря о загробной жизни, Иов сравнивает умирание с угасанием света, *потустороннее* по словам Иова – «где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов 10:22).

Свет бесплотен. Тьма же «осязаема» как вещь. Во тьме ходят ощупью (Иов 5:14). Мрак – отец блуда. В 7-й главе Книги Притч Соломон описывает разврат как блуждание во тьме духовной. «Вот, однажды, – пишет он, – смотрел я в окно дома моего, сквозь решетку мою, и увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми неразумного юношу, переходившего площадь близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее, в сумерки в вечер дня, в ночной темноте и во мраке. И вот – навстречу к нему женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее; то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы. Она схватила его, целовала его, и с бесстыдным лицом говорила ему: мирная жертва у меня: сегодня я совершила обеты мои; поэтому и вышла навстречу тебе, чтобы отыскать тебя, и – нашла тебя. Коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями Египетскими; спальню мою надушила смирною, алоем и корицею. Зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью; потому что мужа нет дома...»

Зло коварно. Оно обезоруживает, говорит Соломон. Тьма – кривая дорожка, по ней снуют грешники, «которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы» (Книга Притч Соломона. 2:13).

Но Бог видит во тьме. И Давид, укрывшийся от Господа в своей фантазии, с горечью замечает в псалме 138: «и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день...»

1.14.5.5 Бог всевластен. И свет, и тьма – дело руци Божьей. Сам Господь об этом говорит: «Я образу свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Книга Исаии 45:7).

Бог «существует» во тьме, и мрак Господень не следует понимать буквально. Мрак – непознаваемое. Возможно, мрак – рудимент «тьмы над бездною», предшествовавшей сотворению мира. В третьей книге Царств, в главе 8, стихе 12-м, об этом сказано: «Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле». Удивительное признание! Как, впрочем, и то, что в руках Господа даже тьма светится.

В книге Исход в главе 33 есть сцена, которую нельзя читать без содрогания и слёз. Моисей говорит: «покажи мне славу Твою. И сказал (Господь Моисею): Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею. И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и

когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо (тебе)».

Потрясающе! Какое величие духа! Какие повороты в сюжете! Кажется, эпизод вышел из-под пера Софокла, – так торжественно величава поступь Господа, совершающего перед человеком свой парад во всей амуниции и воинском облачении! Что здесь важно... Да, верно, Бог оберегает Моисея от избыточного знания. И какой неожиданный образ – рука, прикрывающая Моисея. Выходит, что отчасти Моисею дано побывать во Мраке Господнем. И как живо и глубоко раскрыт трагический характер божественного удела! Быть всевластным, всемогущим, всезнающим и скромно довольствоваться мраком, в котором Господь пребывает в ожидании человека Нового завета.

1.15 «Человеческое, слишком человеческое» отбрасывается решительно и навеки, – ибо ценным в человеке становится не его «ветхость», а его «новизна». Только «новая тварь» войдёт в Царствие Небесное.

Кто же те, кого Господь поджидает во мраке? Апостол Пётр отвечает: «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (Пётр, посл. глава 2, стих 9).

Григорий Богослов в Слове 40-м говорит, что «второй после Бога свет – это ангел, а третий свет – человек; существует также свет тварного мира. Светом является заповедь Божия, синайский Закон, купина неопалимая, столп огненный для Израиля; свет восхитил Илию на огненной колеснице и озарил пастухов при рождении Христа; свет – звезда, ведшая волхвов в Вифлеем; свет – Божество, открывшееся апостолам в Преображении; свет озарил Павла на пути в Дамаск; свет – сияние будущего века, когда праведники воссияют, как солнце, и станет Бог посреди их, богов и царей. Крещение также есть свет, в котором заключается таинство нашего спасения».

1.16 Свет и мрак, сочетаясь в душе, образуют неразрывное единство тварного и нетварного. В кино, которое запечатлевает мир, такое сочетание называется СВЕТО-ТЕНЬЮ.

1.17 Верно, что теозис (обожение) есть восхождение твари к Творцу и нисхождение Творца к твари, причём Человек и Бог встречаются в точке невозврата от семи смертных грехов к семи словам с креста.

И в самом деле, диавол рождается в семи смертных грехах; человек-Иисус умирает, произнеся семь слов с креста. Дихотомию «7/7» толком так никто и не исследовал. Но, положив руку на сердце, не стоит ли признать, что ни Бог, ни провиденциализм не могут стать предметами опыта. Но познание тварью Творца возможно во встречном познании Творцом твари. Так, почувствовав запрос на богоявленность, Господь допускает *истинствование*, т.е. обоюдное пребывание в существе истины человека и Бога. Чтобы человек прошёл свой участок пути от семи смертных грехов к семи словам с креста, Господь являет пример кротости и смирения, когда, пожелав *испытать* крестные муки Сына, умаляет Своё всеведение и всезнание. Бог и в самом деле не видит в корень, и ступает на тернистый путь Голгофы в человеческом теле, чтобы почувствовать каждый шип тернового венца, каждый кровавый рубец, оставленный от удара плетью. Но и оскорбления, ранящие слух, Господь желает услышать из уст солдат Пилата, как прежде слышал от падших духов.

1.17.1 «7/7». Бог мыслит. Дьявол спотыкается о мысль.

Яркий пример противоборства мысли и недомыслия – религиозный дискурс. Допустив, что концепт «семь грехов/семь слов» задаёт тон страстному циклу, я избавил себя от обета строго следовать догматам. Но подобная вольность наложила на мой *lóγος* епитимью, а точнее, долженствование скрупулёзно и с горячим сердцем исследовать дихотомию веры и неверия, рационального и иррационального. Страстной цикл я трактую иначе, чем триадологи, хамартологи, понерологи, экклезиологи, сотериологи и христорологи. И там, где экзегеты понимают теозис как восхождение твари к Творцу при попустительстве последнего, я настаиваю на обоюдном сближении Бога и человека, *вочеловечивании* Отца и *обожении* Сына.

Но как *тварному* – увидеть, услышать, обонять, осязать, вкусить – *нетварное*? Здесь и выясняется, что Бог непознаваем, но осязаем, что Его можно почувствовать в череде благодатных действий, проявлений и энергий, которые в византийском исихазме (от греч. *hesichia* – покой, тишина, безмолвие, отрешённость) обозначены богословским термином *εὐρηγία*. Что он означает? Да то, что Бог и человек, идя навстречу, пребывают в мистическом слиянии, что греки называли обожением или теозисом (гр. *θεώσις*). И хотя в Писании нет прямого упоминания божественных энергий, в Евангелии от Иоанна апостол говорит: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе...» (Ин. 17:21). Удивительные слова! Теозис – движение навстречу

мира дольного и мира горнего. У Афанасия Великого читаю: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» («De incarnat. Verbi», cap. 54. — MPG. t. 25, col. 192.14). Однако даже эта новелла из арсенала (Eastern Christian theology) оказалась всего лишь стилистически отточенной фразой св. Иринея: «Сын Божий становится сыном человеческим, чтобы сын человеческий стал сыном Божиим» («Adv haeres.» III, X, 2. — MPG. t. 7, col. 873.)

1.17.2 «7/7». Верно, что проникновение «тварного» в «нетварное» и наоборот составляет событие страстей, их глубинный сюжет.

Но теозису/обожению препятствует падший дух. И, прежде чем раскрыть сокровенный смысл hesichia, мне предстоит вычленить модусы зла, источник которого в не-сущем, откуда погибель совершает свои набег. Только исследовав причину гибели, я смогу рассмотреть «молчание» Отца Небесного как преддверие встречи Человека-Иисуса с пропастью небытия, вырытой грехом, чтобы отдалить Человека-Иисуса от Бога-Иисуса.

В страстном цикле Господь как бы приседает на корточки перед Сыном: пусть почувствует своё Богосыновство, как Он, Господь — Богоотцовство. Этот жест заботы и любви, казалось бы, отнимающий у Бога прерогативы, несколько не ослабляет Его могущество. Напротив, претерпевая крестные муки Сына, стoisически выслушивая в свой адрес поношения и угрозы, Господь открывает в Себе ипостась Бога Сына, как Бог-Иисус — ипостась Человека-Иисуса. Спросят: но разве Бог не триедин априори? А раз триедин, зачем Ему подвергать Свою триипостасность верификации/фальсификации? Мой ответ а-догматичен: божественное знание не хранится на пыльных полках Ума/Нуса, куда, отыграв свои роли, ссылаются прописные истины. Бог обновляет свои природы, освежает память, а порой намеренно приглашает перцепцию и апперцепцию, чтобы дела давно минувших дней предстали Его внутреннему взору не анекдотами с бородой, а новостями, которые сорока принесла на хвосте.

Пребывая в вечности, зная наперёд всё, что случится, Господь испытывает тягу к индетерминизму. Бог прореживает рутину творческим порывом, чтобы тварь, наделённая свободой мыслить и полагать, стала Его, Господа, имманентным внутри априори. При этом Отец намеренно убавляет всеведение, чтобы испытать до дна чашу страданий, приуготовленную Сыну. И чтобы Голгофа, на которую ступила Его нога, не обернулась выхолащенным ритуалом, в котором всё известно наперёд, Господь становится страстотерпцем. Но прежде Бог Дух Святой залепляет Богу Отцу и Богу Сыну глаза и уши, а Софию Премудрость Божью лишает прозорливости, — в противном случае на свободу, данную твари, легла бы тень притворства. Но именно вочеловечивание Господу и ставят в вину. Ведь, оставаясь Собой, Бог не стал бы терпеть истязаний Христа и вмешался бы в божественный промысел. Но Господь пожелал стать тварью, испытать крестные муки, и тем самоустранился. И упрёк в безмолвии бросает Богу в фильме «Молчание» Ингмар Бергман. Но всё с точностью до наоборот! Ведь «запирательство» Господне вопиет! Ведь Отец молится о Сыне тайно, как иерей на литургии. Но если тайная молитва священника предотвращает затухание религиозного чувства в верных и распяет евхаристический «голод» в оглашенных, то тайное чинопослание Господа свидетельствует о Его глубокой скорби и горячей любви к Сыну Человеческому.

1.17.3 «7/7». Верно, что в тайной молитве Господь цементирует душу Человека-Иисуса, чтобы не позволить аду облюбовывать «пустоты» и «каверны».

И в самом деле, как субъект, Господь отказывается от предикатов всевластия и всезнания, чтобы возложить на плечи крест познания «человеческого, слишком человеческого». Крест неподъёмен и в тысячу крат превышает вещество Вселенной. Крест Господень — любовь, которая «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4-7).

1.17.4 «7/7». Верно, что если Господь отец правды, то дьявол — отец лжи.

Введя правила для исповеди на IV Латеранском соборе (1215 г.), Римско-католическая церковь, ориентируясь на «Сумму богословия» Фомы Аквинского, определила «семь смертных грехов»: *superbia* (гордыня), *avaritia* (сребролюбие), *gula* (чревоугодие), *luxuria* (сладострастие), *invidia* (зависть), *ira* (гнев), *acedia* (медлительность в совершении добрых дел), *pigritia* (леность).

Активат позаимствовал эти термины у Тертуллиана, первым заговорившего о «смертных грехах» ещё во II веке. Но Тертуллиан в основном исследовал *проступки* (среди прочих и убийство), в то время как папа Григорий Великий под *порчей* понимал качества и предрасположенности, ведущие к несправедным делам. Часто зло

маскируется под болезни, похищающие ум и сердце, что превращает греховодников в жертв наваждений, а избавление от греха — в медицинскую манипуляцию с ярко выраженной площадной, шутовской подоплёкой. И в сознании простолюдинов для избавления от смертельных грехов, хватающих цепкими когтями души грешников, вполне достаточно лекаря (в современной транскрипции — психоаналитика). И, подобно эскулапу Ганса Сакса в одном из его фастнахтшпилей «Извлечение дураков» («Narrenschneiden»), этот знахарь/коновал выуживал из голов профанов: глушца-высокомерие (Hoffart), невежу-скупость (Geizigkeit), дуралея-зависть (Neid), дурачину-сладогострастие (Unkeusch), олуха-чревоутодие (Völlerei), осла-гнев (Zorn), остолопа-лень (Faulheit).

Семь кругов чистилища Данте повторяют нумерацию семи смертных грехов. А Бальтасар Грасиан — автор скандального «Критикона» (1651-1657) — сочинил целую дьявольскую географию, где народы греховничали под руководством патрона: гордыня облюбовала испанцев, сребролюбие — французов, зависть — итальянцев, гнев — африканцев, чревоутодие — германцев, лень — американцев, а сладогострастие, как всеобщий грех, с лёгкостью переступало границы государств и материков.

1.17.5 «7/7». Верно, что «смертный грех» не есть Геенна огненная как местопребывание, а есть Геенна огненная как наказание души бесчувствием, безволием, бездействием, когда, сохраняя подобие, она навек утрачивает сущность (essentia и quidditas).

Но что значит «смертный» грех? Идёт ли речь о тотальной гибели души или есть спасение? И если принять за аксиому, что душа вечна, что же отправляется под нож? Под *погибелью* следует понимать вечные муки в аду. Существование, лишённое Божественного попечения, безрадостно (existentia и esse). Обжаловать приговор нельзя. Безнадёга тотальна. И даже Господь, Отец души, потеряв к ней интерес, лишает греховодницу благодати сопричастности: душа больше не со-участвует и не со-мыслит Богу. Духовная агония неотвратима. Душа умерщвляется обездвиживанием. А преданная забвению, запечатанная за семью печатями, прежде вольноотпущенница, а ныне — узница греха, — она не вправе сказать о себе: «J'existe parce que le Seigneur pense à moi» (фр. «Я существую, потому что Господь думает обо мне»).

1.17.6 «7/7». Верно, что зло не от Бога, что свободу, данную твари, нельзя инкриминировать Творцу как состав преступления.

И в самом деле, если есть подозреваемый, которому следует предъявить обвинение, введя его в зал суда в качестве подсудимого, а затем, препроводив в узилище с клеймом осуждённого, то это — субъект религиозного права, ибо только наше человеческое «я» предоставляет inferнальному миру плоть и кровь, а не наоборот. Ясно, что зло не субстантивировано до меня, зло «моё» a priori; в такой презумпции/юрисдикции не бес вселяется в человека, но человек становится падшим духом, но прежде зачинает, вынашивает и изгоняет нечисть из своего сердца. Мы попустительствуем греху, который изначально «дан» как отпадание, а затем становится нашим экзистенциалом. Скатиться/взойти по Лестнице Иакова решает мой индетерминизм в акте свободного выбора, но не роковая предрасположенность, не чей-то злой умысел или случай.

1.17.6.1 «7/7». Верно, что зло плод свального греха: чувственно-опосредованного (sinnlich) и интеллигибельного (intelligibilis).

Таким образом, мерзость — мысль, знающая себя как интенцию, стремление и устремление, как имморализм, нигилизм, цинизм и нарциссизм. И все эти пороки укоренены в практическом бытии человека. Ведь зло теплится в каждом, но один топчет пламя, другой — раздувает.

1.17.7 «7/7». Верно, что в противовес «семи грехам», губящим душу, «семь слов с креста» ограничивают Ветхозаветного человека от человека Евангелия.

И в самом деле, налицо экзистенциальный поворот: Христос-Человек вступает в *мнимый* конфликт с Христом-Богом: первый должен умереть, чтобы искупить смертью и воскресением грех человеческий; второй, имея власть предотвратить казнь, отступает во мрак небытия, чтобы, «устранившись», как ошибочно полагает Царь Иудейский, стать свидетелем чуда перевоплощения Человека-Иисуса в Бога-Иисуса.

Каждый, кто причисляет себя к Церкви, оказывается внутрипоступка, совершаемого Спасителем. Пожалуй, ни в одном священном тексте, ни одной монотеистической религий, вера адепта не ставится в ситуацию предельного испытания, когда трещат по швам узкие одежды души, и нет иной опоры, кроме как на веру, веру и только веру. Sola fide («Только верою») так назвал свой главный труд Лев Шестов. О каком событии идёт речь? Что в Евангелии побуждает верного и оглашенного слезть с экзистенциального «шестка» и стать на трансцендентальную позицию? Для тех, кто проникся буквой и духом Священного Писания, не секрет, что Господь, пребывающий

в Иисусе Назарянинне, приседает на корточки перед Сыном. Так поступил бы любой отец, чтобы его годовалый сынишка дотронулся ручонкой до его лица. И Бог-Отец позволяет Богу-Сыну прикоснуться к Лицу/Лику и тем приобщиться через таинство Евхаристии к Святым Дарам. Но теозис обоюден. Святое причастие есть обмен дарами, и как христианин приобщается к «телу» и «крови» Христовой, так и Господь вкушает тело и кровь Церкви. Этот взаимный опыт познания, это обоюдное самоумаление и самовозвышение двух ипостасей внутри Господа и составляет сокровенную тайну «семи слов с креста».

1.17.8 «7/7». Верно, что допущение, что в бытии перед лицом смерти каждый из нас pronосит свой крест, с той лишь разницей, что Человек-Иисус своей безвинной кровью убелил грехи человеческие, а мы лишь «подражаем Христу», – разумеется, если наследуем Евангелию, – заронило в душах многих надежду на вечную жизнь.

И в самом деле, «семь слов с креста» ознаменовали водораздел между смертью и вечной жизнью, ветхой и новозаветной историей. Последние Слова распятого Сына человеческого глубоко тронули сердца философов, писателей, композиторов. Прислушайтесь к щемящим сердце мелодиям «Семи слов Христа на кресте» Генриха Шютца, «Семи слов Спасителя нашего Иисуса Христа, сказанных Им на кресте» Йозефа Гайдна, «Семи последних слов Христа» Сезара Франка и, наконец, продиктованным самими ангелами, «Семи словам Христа» Софьи Губайдулиной, чтобы проникнуться трагическим величием последних минут земной жизни Спасителя.

1.17.9 «7/7». Верно, что «семь слов с креста» следует понимать как теозис/обожение в его чувственном и сверхчувственном обличье. И тогда уместно говорить не о «словах», а о «шагах» навстречу друг другу, которые внутри Господа совершают Его тварная и нетварная природы.

1.17.9.1 «7/7». Верно, что о первом шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:33–34).

Казалось бы, фраза отнесена к солдатам, пробившим гвоздями запястья на руках Иисуса и его спутников, что должно было обречь жертвы на мучительную смерть. Но нет же. Христос обращается к Своей божественной природе, к Отцу, пребывающему в Нем и с Ним в теле Человека-Иисуса. Сын печётся о чувствах Отца Небесного, унижении Господа, Его муках, быть может, более тяжких, чем крестные муки Человека-Бога. Эта печаль Сына о публичном посрамлении Отца, утешение Страждущим Страждущего, когда оба равно унижены и оскорблены – есть первый нравственный поступок внутри экзистенциального со-бытия смерти, в котором Христос показывает себя *бытийствующим* вопреки смерти, которая уже сломала о Спасителя зубы, но ещё тешит себя надеждой.

1.17.9.2 «7/7». Верно, что о втором шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «И сказал Иисус: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:42–43).

Разве слова, отнесённые к уверовавшему «вдруг» разбойнику, относятся к нему лично? Опять – нет. Христос не слышит в Себе поддержки. Отец «молчит». И первое сомнение/трещина надкалывает тонкий фарфор чаши страдания. Христос употребляет выражение «истинно говорю», но «знание», претендующее на исчерпывающую, т.е. божественную, полноту, оплачивается тем, что невосполнимо. Это знание оплачивается агонией и смертью. Христос авансом присваивает себе привилегию пребывать в истине, ещё не «зная» наверняка – звенят ли в его мошне «талант» или «мина»: мужество перед лицом смерти, стойкость в вере, непоколебимая внутренняя убежденность в грядущем Великом Спасении. В определённом смысле, это второе «слово» обращено вновь к Богу-Иисусу, который, солидаризуясь с Отцом, должен, как полагает Человек-Иисус, подтвердить полномочия Сына. Но Господь «безмолвствует».

1.17.9.3 «7/7». Верно, что о третьем шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «...говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя!» (Ин. 19:26-27).

Отчаяние Человека-Иисуса достигает предела, когда, не дождавшись поддержки от Человека-Бога в Себе, Отца на Небесах, Христос препоручает опеку над матерью любимому своему ученику Иоанну Богослову, а Богородицу просит позаботиться о «сыне», который будет благовествовать о Царствии Небесном. Человек-Иисус не

обращается к Отцу, который на Небесах, что было бы логично. Христос сомневается. Люди из крови и плоти кажутся ему куда надёжнее, реальнее, чем идеация, совершаемая в сознании, чем воображаемое, которое обретает достоверность себя лишь в предствлении, очищенном от чувственного опыта. И опять же, основной пафос третьего «слова» обращён к Господу. В определённом смысле, Человек-Иисус бросает Отцу перчатку тем, что игнорирует Его в своём «завещании». Вспоминаются ветхозаветные богоборцы. Но Отец стоит «на своём». Он «молчит».

1.17.9.4 «7/7». Верно, что о четвёртом шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46; Мк. 15:34).

По закону золотого сечения именно в четвёртом «слове» происходит радикальный перелом: Человек-Иисус отчаялся и ощутил экзистенциальную заброшенность. Он вопиет. Это уже не косвенная речь. Адресат назван. Часто комментаторы ищут в четвёртом «слове» цитату из 21 псалма (21:2), мол, Христос заменил еврейское слово «азабтани» (от глагола азаб — оставлять, покидать) на равное по значению арамейское «савахфани». Поскольку псалом содержит пророчество о Мессии, то Спаситель якобы хотел доказать гонителям, что является тем самым предсказанным пророком. Но эта точка зрения не выдерживает критики. Человек-Иисус бросает обвинение Отцу, а вовсе не пытается просвещать «заблудших». Иисус горячится. Его упрёки — это не лекции о пользе добрососедства, произнесённые университетским профессором в разношёрстной аудитории. И если переход на древнееврейский и арамейский как-то связан с псалмом, указывая на который Человек-Иисус хотел призвать Бога-Отца исполнить взятые на себя обязательства, то, вынося сор из избы, «Царь Иудейский» только приблизил предначертанное. Ясно, что тяжесть предстоящего испытания надломил решимость, и всё человеческое в Человеке-Иисусе возопило. Грех, который предстояло искупить Христу, обрел субстанцию, энтелехию и возглавил бунт, призвав Бога-Иисуса к неповиновению Богу-Отцу.

Остаётся лишь уяснить: что вкладывает Христос в вопрос «...для чего?..» Ясно же, что речь не может идти о поиске причин богооставленности. Едва ли Сыну понадобились доказательства Отцовской чёрствости, чтобы, суммировав все обиды, швырнуть их в лицо Господу и вернуть «билет», подобно Ивану Карамазову. Тут и совершается фундаментальный поворот, своего рода переход через Рубикон всего человечества, оставившего позади тысячелетия варварства и многобожия. В «четвёртом» слове решается судьба не только церкви Христовой, но и вселенной — тварь вдруг сбрасывает оковы тварности, когда, совершая внутреннее кажение Духом Святым, Человек-Иисус приближается к Богу-Иисусу. Топология этого переноса (контр-переноса) повторяет географию Голгофы. Промысел ландшафтится. Ведь, чтобы понять мысль Отца, Христос торит тропу, на которую ещё не ступала нога человека.

Но, чтобы понять, как Господь избрал Его, Своего Сына, орудием борьбы с дьяволом-лжецом, мало одного ума. Здесь нужна стезя, здесь без изгваздывания не обойтись. В «четвёртом» слове Человек-Иисус впервые соединяется с Богом-Иисусом, совпадает с Ним ипостасями, природами, энергиями. Но Господь, услышав в вопрошании не сомнение только лишь, но горячую любовь и преданность Сына, продолжает выдерживать паузу.

Любовь Отца долготерпит. Ему куда проще приказать отпустить Иисуса, чем со слезами на глазах видеть, как Сын становится Агнцем, чтобы, закладв его, род людской ужаснулся содеянным. Иисус не желает умирать. Он колеблется. Но разве нас, читающих о страстях Христовых, способна растрогать чужая смерть? Разве мысль о близком конце не створаживает кровь в жилах, а образ трупа, который мы оставим как отвергнутую букинистом книгу или пальто, забытое в гардеробе, не леденит ум, заставляя мозг лихорадочно изобретать аргументы в пользу личного бессмертия? И всё, на что мы надеемся — поселится в чьей-либо голове как бездомный друг, которого пустили на постой... В «четвёртом» слове, отчаявшись, Человек-Иисус обращается к Ничто — так часто поступаем и мы, когда стучимся в сознание *другого*, даже если коммуникант — призрак, скитающийся по закоулкам ума. Человек-Иисус на глазах у всех и, прежде всего — в своих собственных глазах, — превращается в СЛОВО. И как часто, изготавившись к слову, окинув взглядом собеседника, набрав в лёгкие воздух с определённым усилием, внутренним чувством, мы стремимся обессмертить свою речевую личность. А возложив на себя другого человека как крест, как вериги, разве не становимся мы душеприказчиками его мысли?

1.17.9.5 «7/7». Верно, что о пятом шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду» (Ин. 19:28).

Ясно, что жаждет Человек-Иисус только одного — никогда больше не разлучаться с Богом-Иисусом. Жаждет Он не знания, которое получил, истоптав Голгофу, а Царствия Небесного. Здесь со всей решительностью звучит горячий призыв — ускорить встречу с Отцом!

1.17.9.6 «7/7». Верно, что о шестом шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Ин. 19:30).

Сказав это слово, Человек-Иисус удостоверяет свершившееся: соединение в акте само-полагания с Богом-Иисусом.

1.17.9.7 «7/7». Верно, что о седьмом шаге к теозису/обожению Евангелист пишет следующее: «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух» (Лк. 23:46).

Свершилось! Человека-Иисуса и Бога-Иисуса охватил экзистенциальный восторг, реализовав самобытность каждого. Человек стал Богом, Бог — Человеком. Метаморфоза свершилась. Каузативно/казуативно Ничто не предшествовало чуду, ибо теозис/обожение — беспредпосылочно. В качестве аналогии приведу чудо рождения мысли из Ничто. Ведь мышление возникает вдруг, в моменте времени «теперь», и мысль рождается вооружённой рассудком, интеллектом, разумом, которые даны ей и взяты ею в акте самосхватывания, который не развёрнут в пространстве-времени, т.е. счастливо избавлен от генезиса. Мысль исполнена мышлением, и уже первая мысль содержит a priori весь ментальный опыт. Мысль рождает себя-из-себя, появляется во всём многообразии связей, которые получила как бы в наследство от хирурга, долго и кропотливо набивавшего саквояж ланцетами и зажимами.

1.18 Верно, что моя и чужая ментальность, столкнувшись, не складываются, не расщепляются и не аннигилируют.

И в самом деле, мысль избавлена от био-и-формогенеза. Мышление — и ложе, и зачатие, и пеленальный столик, и одр. Но, спросят: где проходит водораздел между мыслью и мышлением, результатом и процессом, человеческим и божественным? Это различие притворно. Ведь что делает мышление, ныряя в мысль, как пятерня — в перчатку; и что делает мысль, когда, высвободив себя из-под туги кожи перчатки, выворачивает мышление швами наружу?

Как тут не вспомнить идеи Николая Кузанского о совпадении противоположностей (антиномий) в сущностных глубинах бытия и интуицию Павла Флоренского о четырёхмерных объектах, ИДЕЯХ. Так вот мысль/мышление, обретающиеся в средостении Бытия и Ничто, в той же степени не принадлежат Эмпиреям и Эмпиреям, в какой Человек-Иисус и Бог-Иисус не имеют точек соприкосновения в пространстве-времени.

Но если мысль — горизонт, стянутый в точку Гилберта, а её цель, услышав, как колотится внутри и просится наружу мышление (речь об истории духа, который выталкивает на кончик пера то, что приходит на ум), — так вот, если мысль разворачивает, распаковывает и разархивирует мышление без потерь, и тот же процесс совершает мышление, когда благодаря инверсии сжимается в точку, то Господь и Человек-Иисус, ставший Богом-Иисусом, внутренне структурированы иначе. В их природе, в их ипостасях, в их энергиях нет ни части, ни целого, ни множества, ни подмножества. Бог един, триипостасен, тринокулярен.

Архаика же дискурса о душе, когда психология, казалось, различила сознание и бессознательное, а когнитивистика развела царство мысли и царство природы, указав на специфику каждого, — уместна, как седла, ружья и люди, которые, как писал Хемингуэй, «должны быть потёртыми».

Смысл «семи слов» в обожении/теозисе, когда Человек-Иисус соединяется с Богом-Иисусом. Чтобы отпустить тварь на вольные хлеба, позволить миру самоопределяться, расширить пределы субъектности, Господь ограничивает Своё всевластие. Но, умаяясь, Он усиливается. Ведь рамка, которой Господь ограничил Себя, в действительности расширила его полномочия до абсолютной свободы полагать Себя любым пределом внутри Своего Всевластия. Будучи единсущным, Бог вовлекает человека во всё, что затевает. Мир — проба пера, способ пролить чернила. И Богу понадобился рисовальщик, чтобы прочертил едва намеченный контур бытия.

1.19 Верно, что ангелы кино отличаются от ангелов Господних, которых Бог сотворил прежде Земли.

И в самом деле, на иконах их изображают безбородыми юношами в белых диаконских одеждах, символизирующих их служение. Ангелы облачены в стихарь, орарь, поручи, имеют крылья и нимб над головой. Их видят шестикрылыми, а иногда в форме колёс, с прикрепленными к ободу глазами, или в виде химер с четырьмя лицами

на голове, или в форме огненных вращающихся мечей, — добавлю: обоюдоострых.

Как и автор «Ареопагитики», я разделяю ангельскую иерархию на 9-ть ступеней, по три триады в каждой. Какова моя цель?

Во-первых, доказать, что Бог и ангелы не присутствуют в реальном мире как вещи, т.е. предметы опыта, но существуют и как акты мышления, и как его продукты; их статус — притворно-сущие; здесь уместно словосочетание «идеальные объекты», которые, если и гипостазированы, то только в-себе и для-себя, т.е. имеют причину в собственном бытии каузально/казуально; по сути, речь идёт о чистых идеях, которые, однако, ни как субстанции, ни как субстраты, не принадлежат бытию, Ничто, обоюдному.

Во-вторых, продемонстрировать плодотворность синтеза религиозного и киноведческого дискурса, использующих метафоры, метонимии, эвфемизмы там, где замыслены глаза от частого употребления понятий бытие и небытие.

В-третьих, расширить тезаурус феноменологии, включив в него в качестве «эвфемизмов» набивших оскомину терминов Брентано, Штумпфа, Гуссерля, Шеллера, Хайдеггера, Шюца, Сартра, Варелы... профессиональный сленг «киношников», для чего раскрыть все стадии кинопроизводства, включая технику и навыки как языковые игры, конституирующие объективный мир.

В-четвёртых, дать дефиниции понятий: «притворно-сущее», «кромка», «средостение», «что-ни-что», «парадигматическая инфляция», «тринокуляр», «соглядатайство», «изнанкование», «изгваздывание», «перенос (контр – перенос)»; «свето-тьень», «фокус», «трансфокация (zoom)», «тревеллинг (traveling)», «рапид (rapid)», «грип (grip)», «discourse-стресс», «коллапс речевой функции» и т.д.

Хочу предостеречь. Ангелы кино вовсе не кинокамеры, плёнка, штативы, кран-стрелки, монтажные столы, тон-студии или лаборатории, где проявляют материал и печатают копии. Но ангелов не стоит искать и в кругу сценаристов, режиссёров, композиторов, актёров, кинооператоров, осветителей и тех из группы, кто заваривает кофе и готовит бутерброды. При всём уважении к этим профессионалам, ангелами их назвать трудно.

1.19.1 Бог – заказчик кино. Ему помогает в съёмках небесная иерархия, которая и устраивает премьеры в заоблачном кинотеатре.

Но как туда пробиться? И у кого выцыганить билетик? Об этом и пойдёт речь. Но начать следует с третьей триады чиноначалия: Ангелы, Архангелы, Престолы.

Ангелы

2. Ангелы – в авраамических религиях – посланники, вестники. Они сообщают волю Бога и обладают сверхъестественными возможностями.

И в самом деле, ангелы служебные духи. Бог сотворил их прежде материального мира, над которым они владычествуют. Ангелы песнославят Творца... Но встречаются и завистники. И самый могущественный, талантливый и красивый из богоотступников – краснойбашный Люцифер. Возглавив фронт, он был низвергнут. Но сопротивление зла и добра не завершено. Титаномахия переместилась в души. И война эта, как писал Никодим Святогорец, обратилась в «невидимую брань».

2.1 В кино вестники – ангелы, берегущие свет от порыва ветра, от помыслов. И имя у них соответствующее: «ангелы, прикрывающие луч света ладонью».

Падшие духи сквернословят, хулят Бога. Ангелы — толкуют Его дела, разъясняют смысл священной истории. В кино эта роль отведена критикам. И ангелы, как киноведы, растолковывают миру Божественный Замысел. Как они это делают? **Во-первых**, и падшие духи, и ангелы способны к полёту в духовных сферах, т.е. входить в мысль, в трансцендентальное Я и в сам акт трансцендирования. **Во-вторых**, ангелы знают все тропки, по которым пробирается мысль через бурелом греха, и часто встречают врага, засевавшего в наших мыслях, как короед в лубе. Бесы, т.е. слова и мысли, внушённые Сатаной, имеют доступ к ментальному миру не только людей, но и ангелов.

2.2 Сатана препятствует познанию Бога ложными силлогизмами, логическими ошибками, которыми опутывает ум, и хулой, склонность к которой бес прививает тому, кто не мыслит самостоятельно.

Как «Педагог» Климента Александрийского, Бог сносит всё безропотно, но предупреждает неопита, что богопознание не строится на экстагическом исступлении, игре воображения или рассудочном размежевании «мира горнего» с «миром дольним». Нечистый же, напротив, причаает сомневающимся и богоотступникам делать всё под диктовку воображения, в печь которого эти истопники швыряют слишком мало дров.

Богучитобуздывать тело и дух, чтобы избежать прелести, помыслов, а воображаемое,

— плод воображения, — держать в ежовых рукавицах. Поэтому в православии попечением верующих заняты старцы.

2.3 Душа – кинотеатр, где места соответствуют иерархии ступеней познания: те, кто сидят ближе к экрану, ближе и к Богу.

Сеанс — подобие литургии, где прихожане — соборяне... У каждого свой угол обзора: те, кто сидят на галёрке, видят фильм в «широком формате», но не различают деталей; те, кто устроился на VIP-местах в центре зала, смотрят картину в «итальянском каше», они соблюдают меру, их богопознание сочетает интуицию и ум, но души их заперты и не вовлечены в диалог с непредставимым/невыразимым, так как зрители эти «ни холодны, ни горячи» (Откр. 3:15-16); те же, кто сидит на первых рядах, на приставных стульчиках или полулежат на полу, «нос к носу» с экраном, видят изображение в рамке 3:4, по сути, эти безбилетники ближе всего к Богу. Но, поскольку ресницы их почти касаются экрана, Бога они не видят, а осязают. Отсюда лемма: Бог не видим, не познаваем, но осязаем.

Свет гаснет. Припозднившись, освещая путь фонариком, сопровождает на место ангел-билетёр. Эти «сталкеры» знают ваш удельный вес в духовном мире, вашу страгу.

2.3.1 Сеанс – литургия, публика – церковь, фильм – слово Божье.

И это слово нужно доносить, не расплескав по пути драгоценный его елей. И ангелы справляются. Их миссия: **во-первых**, разъяснить смысл фильма, т.е. благовест, данную Вседержителем в суровые времена отпадания от церкви паствы и тотальной секуляризации общества. В эпохи смут Бог прибегает к новым формам религиозного дискурса... Так появились византийская и русская иконописи, знаменный и путевой распев и в целом канон православной богослужебной гимнографии... Дошла очередь и до кино... Поэтому первое, что делают *ангелы, прикрывающие луч света лагоныю* — толкуют Слово Божье; **во-вторых**, их обязанность — защищать свет, чтобы падшие духи не загасили Богоначальную лампаду взмахами своих чёрных крыльев.

Сев на приставные стульчики, критики достают блокноты. Они знают, что окошко кинобудки — граница мира чистых идей, отделяющая священное от профанного. «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» (Л.Витгенштейн). Но критики убеждены, что кино только и делает, что развязывает язык невыразимому. А ещё, что кино отражает всеобщее, потому что логическая структура кино идентична онтологической структуре всеобщего.

Познание, говорят критики, состоит из последовательности: квалия — монтаж — просмотр. Просмотр — повторное воспроизведение квалий. Повторное переживание пережитого.

2.4 Используя свето-тьнь (англ. Clear-obscure), Бог извлекает мир из Ничто. Таково положение вещей (Sachverhalten).

2.5 Кино отражает и то, что не видит кино-глаз, но что отбрасывает в кадр «тьнь» своего присутствия – неочевидное: то, что, будучи ноуменальным, не стало феноменальным.

2.6 Истина – то, что в фокусе (англ. in focus); заблуждение, кривда – то, что в тумане (итал. Sfumato).

Но *ангелы, прикрывающие луч света лагоныю*, не только толкуют о Замысле. В основном они защищают Бога от клеветы и навета. Их обязанность — теодицея.

Но от кого Богу защищаться? Ведь теодицея — костыли и протезы «лежачего». Если Бог так немощен, что не может за себя постоять, не помогут и стряпчие. И в самом деле, одни ставят Господу в вину существование зла; другие обвиняют в нежелании реформ; третьи уличают в сделке с дьяволом. Но есть и такие, кто набрасывают на плечи адвокатские мантии. В 1710 году в трактате «Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и первопричине зла» Лейбниц вводит термин теодицея («оправдание Бога»), образовав его от древнегреческих слов — (theos) бог и (dikē) суд, справедливость, судебное решение. Стоило один раз накрахмалить парик, как молоточки судей застучали по столешницам, как колёса экспресса... Но судебные тяжбы с богами вели ещё древние греки, — вспоминается ядовитый диалог Лукиана «Зевс уличаемый». И только в теизме Всеблагому, Справедливому и Всемиловитвейшему Господу вручают повестку в суд. Бог отвечает по иску, где Его прижучивают за изъяны творения: за зло, за страдания, за боль, которой ответчик попустительствует — по неведению, злему умыслу, безразличию или из благих побуждений. Таким образом, ratio осуждает Творца за бессмысленные мучения и смерти; иррациональность же, напротив, видит в бедах и напастьях ступени, по которым искренняя и преданная вера в Отца Небесного, преодолевая сомнения, восходит по «Лестнице Иакова».

Псевдо-Дионисий Ареопагит определяет трансцендентальную причину зла в «недостаче блага» (στέρησις, ἔλλειψις τοῦ ἀγαθοῦ — см.: DN IV 30:8 (P. 176)). Отсюда один

шаг до слияния сущего и блага и признания зла антагонистом бытия, а следовательно — Ничто. Поверив на слово Дионисию, который поверил на слово Платону, мы упёрлись носом в апорию: если зло — отсутствие блага, а благо есть сущее, то зло — отсутствие сущего, т.е. небытие (οὐκ ὂν — см.: DN IV 20:11, 33:3 — 4, 34:1). Но как то, чего нет, совершает зло? Дионисий отмалчивается, как, впрочем, отмалчивается и Платон.

2.7 Аргумент против зла (ущербность отпавшей твари, злоупотребившей свободой), всего лишь локутивный акт, не поднимающийся до импликации, в то время как дискурс о диаволе нуждается в иллокутивных актах, в перформативах, призывающих на баррикады брани духовной.

2.7.1 Только когезия и когерентность, связность и соподчинённость, способны произвести ясное усмотрение причин зла.

Скажу крамолу. В коммуникации спрятан ключ от добра и зла. Сама речь есть предельное основание, став на которое, древний морок оглянется во гневе, как герой пьесы Осборна. Если зачитать напасти права, рассказать бесу о свободной воле, которой Господь наделил вольноотпущенницу мысль, то зло само выберет плевелы из своих семян, а затем и сожжёт. Почему я так наивен? Да потому, что *совесть*, чей голос не от мира сего, звучит в умах и сердцах самых падших духов... Горечью, но и надеждой, отдают слова Господа, обращённые к Содому и Гоморре. Вот как передаёт их пророк Исаия в первой главе своей книги:

«(11) К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу... (13) Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть... (14) Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. (15) И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. (16) Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; (17) научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову».

Господь суров с греховодниками. Но в стихе 18-м Он демонстрирует любовь и готовность прощать: «Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю», а в стихе 25-м, говоря о столице, сделавшейся блудницею, обещает: «И обращу на тебя руку Мою и, как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отделю от тебя все свинцовое». Господь говорит высоким штилем. В этом нет многоглаголания, но есть отцовская забота о своевольнице дочери.

2.7.2 Зло должно овладеть покаянным дискурсом. Но прежде — дозреть до мысли о покаянии, как, впрочем, и просто до мысли, поскольку нет, не было и не будет «злых» мыслей. Зломыслие — миф. Есть недомыслие, т.е. душа, так и не ставшая со-работницей Отца.

И, только затеяв тяжбу с собой, язва (воплощённая, исполненная лютости и гнева) прозревает причину собственной порчи. Зло видит, как семена, посеянные щедрой рукой ангела Господня, оборачиваются цветами зла, а плевелы, выбранные из горстки семян райских цветов, бросаются в костёр амбиций. Так вот как обстоят дела! Повернув глаза зрачками внутрь, зло натывается на лежище, токовище непродуманного, непрожитого — того неподлинного, *не-собственно-своего-бытия-вот*, которое отличается от подлинного бытия — как кривда от правды, ложь от истины.

Зло вправе истребовать и у своих кураторов, и у самого себя существенное своей сущности. Войти в собственную мысль, распластанную, как после апоплексии, чтобы всецело озаботиться её уделом. Пожелав смыть позор, зло не должно додумывать впопыхах. И обязано вскрывать нарывы, гноящиеся раны, всё ещё снабжающие кровотоком нечистотами.

2.7.3 Мерзостям, осваивающим покаянный дискурс, предстоит вылазка внутрь себя, к началу, к предельному основанию, к незамутнённым истокам, которые ещё не разделены на фракции, которые суть — целостность, девство, гимен (лат. *hymen*).

А припав к истоку, где всё только завязывается в клубок, где всё впереди, где не случилось «отпадание», а тварь не предъявила мороку его послушной список, зло должно разговорить свой грех.

Спросят: но как вернуться к истоку? Войти в прошлое? В этике есть устоявшийся стереотип, что зло — зло; добро — добро. По мне же: зло и есть добро, а добро — зло¹.

¹ Прим. редакции: моральная цензура «Невского проспекта» могла пропустить в печать подобное и любое поползновение к отождествлению добра и зла, только сочтя оное каламбуром или поэтическим софизмом.

Звучит провокационно. Даже зловеще. Но стоит заглянуть в себя, как натыкаешься на границу долженствования, на размежевание добра и зла, на их демаркацию в структуре мысли.

2.7.4 Этика там, где завязывается намерение, а не там, где поступок перерос в проступок.

И в самом деле, регулирование ментального/идеального давно назрело. Зло ищут в социальных институтах, не способных защитить права и обеспечить потребности. Но подлинная причина зла в изъянах мышления, в порочном своеволии, в невыпестованных чувствах. Нужна ментальная этика, где зло и добро было бы не агоним, а тождеством. В такой этике во главу угла ставилась бы диалектика. Ведь зло в ментальной этике — добро, которое делает первый шаг (пусть робкий, едва сознаваемый) в сторону зла, и это недо-зло ещё робеет, ещё кутается в рубище нестяжательства. А добро — морок, который застыл в ужасе перед делом своих рук, и даже ударил себя по рукам. И эта напасть, формально принадлежа зла, и есть новорожденное добро — тот, кто протягивает руку, но творит «милость» неуклюже, нелепо, как кривда, чей рот перекошен хулой, но в каждом его слове — правда.

2.7.4.1 Ментальная этика регулирует истоки. Она исследует инверсию зла и добра.

Без зла нет полноты, включающей как актуальные, так и потенциальные аспекты реальности. Зло укоренено в универсуме, что избавляет полноту от ущербности, недостачи, недокомплекта. Зло — атрибут самодостаточности, конституирующий полноту негативно, как благо — позитивно.

Но поскольку без перцепций зла полнота не пребывает в-себе, то зло становится атрибутом Блага, но лишь как чистая негативность. Таким образом, зло, как потенция, становится подлинной негативностью только когда извлечено из полноты. Но поскольку потенция — атрибут Абсолюта, без которого он не Всевластен, то Бог, как истинный Абсолют, Совершенен и Всеблаг и при наличии зла в мире. Почему? Да потому, что, даровав твари свободу поступать по совести, Господь не умывает руки, а берёт на себя ответственность.

Зло очеловечилось. И хотя дьявол соблазнил Еву, а та — Адама, решение вкусить от плодов древа познания принималось каждым в здравом уме. Попытки переложить ответственность на врага бессознательны.

2.7.5 Зло демона – его онтологическое преступление; зло человека – его антропологический проступок.

И в самом деле, каждый подсуден в своей юрисдикции. Но как беззаконие находит лазейки в правосудии? Ясно, что правонарушение там, где бытию причинён ущерб намеренно, а не по неосторожности. Восстав против целого, часть разделяет сущее на то, что причиняет зло и то, что — претерпевает. Но обладает ли целое иммунитетом? И, расталкивая плиты под континентами, сжигая метеоритами леса, останавливая магнитными бурями сердца больных и стариков, слизывая шершавым языком тайфуна хрупкий бисквит островов с их цивилизациями, — обрушивая все эти беды, разве целое не отвечает по счетам? Кто субъект злого умысла: врач, убивающий колонию раковых клеток, или — опухоль, поедающая мозг? Позволив кровососущим тварям осушить себя до дна, как стакан с клюквенным соком, поступаю ли я высокоморально или я преступник, посягнувший на человека?

Отвергнув казуистику и спекуляции на этике, Альберт Швейцер прервал карьеру органиста, выучился на врача и уехал в Африку. Схожий путь проделал Людвиг Витгенштейн, — забросив карьеру университетского преподавателя, он учил математике и немецкому языку крестьянских детей в глухой альпийской деревушке.

Но как, зная о «праве» сущего на жизнь, благоговеть перед конкретной её формой и не поражать в правах — прочие? Следует ли дифференцировать выбор, вводить моральный оператор/квантор в иерархию ценностей, чтобы наверняка знать: какому жизненному порыву благоволить, а какому — нет. Ясно, что логика каузативного/казуативного детерминизма/индетерминизма недопустима там, где зло инвариантно и где только сердце решает — какие презумпции редуцировать, а какие — репродуцировать. Я намеренно вывел ум за скобки этой формулы. Уму ещё предстоит взглянуть правде в лицо.

2.7.6 Уму, чтобы ответственно подойти к проблеме зла, следует обнаружить порок в-себе, в своём всесокрушающем своеволии.

Господь наделяет бытие свободой, а вот нечистый — никогда. В противовес Богу, чёрт не умяется перед человеком. Падший ангел горд, надменен, за что и был посрамлён. В чём же, спросят, вина Иуды? Разве поцелуй его не был предопределён? Без вины виноватым Иуду рисует Леонид Андреев в рассказе «Иуда Искариот». Но

всё было с точностью наоборот. Иуда мог отклонить предопределение, вмешаться в Промысел, но вместо этого истребовал рассаду зла, а получив, взрыхлил и унавозил почву, засеял чертополохом, обмолотил, замешал тесто на слюнях дьявола и испёк бесовской кулич.

Но свобода, данная твари, не только не снимает с Бога навет, но и укрепляет подозрения скептиков. Вера неподъёмна. И всё чаще звучит укор: почему вместо рукопожатия Господь обрушивает на тех, кого любит, несчастья? Не всем по душе божественная пропедевтика. И жестом отчаяния Иван Карамазов возвращает билет Богу, — слеза безвинно замученного ребёнка не стоит счастья! Но человек не желает распознавать ростки зла там, где оно укоренено, — в чистых идеях, в эйдосах, казалось бы, таких безвинных, что и мухи не обидят.

2.7.7 Нет зла нечаянного, как и нет зла «чужого». Зло «моё» a priori.

И в самом деле, «другой» позволит злу свить гнездо и вывести птенцов, будет кормить их сырым мясом из рук и не заражаться злом, будет хулить, насиловать, убивать и даже в этом случае к злу отношения не иметь. Почему? Да потому, что злом становится только МОЙ завет и МОЁ клятвопреступление. Зло тогда зачисляется на мой счёт, когда, видя проступок постороннего, я соучаствую в нём или попустительствую ему. Злу нет дела до «другого». Злой дух счастлив со мной. Злой дух — однолюб.

2.7.8 Зло не субстантивировано до меня, оно «моё» по определению; в такой презумпции/юрисдикции не бес вселяется в человека, но человек зачинает, вынашивает и изгоняет из себя падший дух.

Я попустительствую греху, я решаю — скатиться или взойти по Лестнице Иакова, стать подвижником благочестия или закоренелым грешником. Я субъект полагания зла, а не роковая предрасположенность, не чей-то злой умысел или случай. Зло становится порчей в акте свободной воли. Зло — мысль, попустительствующая имморализму, нигилизму, цинизму и нарциссизму. Зло теплится в каждом, но один — топчет пламя; другой — раздувает.

Архангелы

3. Архангелы – восьмой чин у Псевдо-Дионисия.

Если строго придерживаться буквы, то в Библии архангелом назван только Михаил. Все же прочие архангелы, а церковная традиция называет ещё, как минимум, восемь имён, таковыми не являются.

И хотя заслуг других архангелов никто не оспаривает, прерогативы отданы Михаилу. А что же прочие? Гавриил, как предвестник богоугодных событий, сообщает священнику Захарии о рождении Иоанна Крестителя, а Деве Марии в Назарете — о рождении Иисуса Христа; Рафаил, который за талант эскулапа, в книге Товита назван «Врачевание Божие», излечивает от боли Авраама, после того как праведный муж сделал себе обрезание. Дела вполне достойные. Но, зная эти заслуги, автор Библии, т.е. Господь, удостоивает чина архангела только одного из бесплотных духов. Михаил загадка. Его так и подмывает сравнить с камерленго — кардиналом, который после смерти римского понтифика становится местоблюстителем престола, или регентом, до момента избрания нового папы.

И всё же, архангел Михаил не камерленго, поскольку служит живому Богу, наделившему его полномочиями, которые приличествовали бы Херувиму или Серафиму.

Не стану перечислять все подвиги Михаила. Но мимо одного нельзя пройти. Вот как описывает событие Иоанн Богослов в стихах 7-9, главе 12 книги «Откровения»: «И произошла война на Небе: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось им места на Небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной».

3.1 Архангелы в кино – «ангелы, сопровождающие лучиком света заблудившихся в темноте».

Во времена плёночного кино билетёры, когда гас свет в зале и начинался сеанс, сопровождали припозднившихся к их местам с помощью ручных фонариков. Эту роль и выполняют ангелы-просветители в заоблачном кинотеатре.

Но что на экране? Каков репертуар? Как я уже говорил, всё, что положено перед камерой и попадает в «кадр» — бытие. Всё, что за кадром — Ничто. Порой «тьма» Автора попадает на плёнку. И, очертив контур этой тени, режиссёр проникается божественным замыслом.

Но вот фильм смонтирован, озвучен и заряжен в лентопротяжный механизм кинопроектора. Окошко проекционной будки — граница мира чистых идей (ноуменов) и опыта (феноменов). Затесавшись в луч света, феномены поставляют уму явления. Сеанс — то, что «дано» и «взято». И что-то происходит с душой, когда мы веселимся,

грустим и лём слёзы на «Мальше» Чаплина, «Похитителях велосипедов» Витторио Де Сика, «Семи самураях» Куросавы... Свет этих лент врачует. И душа, раздробленная, но надлежащим образом соединённая, подвергается остеосинтезу. Этот остеосинтез — МОЛИТВА. Кино, как муэдзин, напоминающий мусульманам о намазе, обращает к Богу умы и сердца.

3.2 В молитве Бог и человек не знают заранее результата randevu, поскольку веряются и субстантивно, и субъектно новому, неизвестному обоим, полаганию себя.

Как субстанция/монада, молитва существует суверенно и от человека, и от Бога. Молитвословие — terra nullius (ничья земля), оказавшись на которой, Дух Святой не детерминирует поступи верующего, низводя его прошение к формальной целобитной, по которой уже извештен рескрипт. Но и человек, ступив на Terra Sancta, волен продолжить путь или вернуться. В молитве происходит обмен ипостасями, природами, их up-grade. Здесь Творец безболезненно умалется, а тварь — возвышается. Но даже у ничейной земли есть демаркация и паспортный контроль, — речь о внутреннем послании, которое Господь, ещё до того как мы формализовали своё обращение, распознаёт в ворохе наших религиозных чувств. Вера отворяет врата в молитву, безверие — их запирает. На территории молитвы не действуют прерогативы, вступая на неё, ты завязываешь отношения, но не навязываешь волю.

3.2.1 В молитве нет секунд, минут, часов. В молитве время структурировано не флуктуациями внутри вещества или волны, не их цикличностью, а живой речью, диалогом верующего с Богом.

Вместо времени Ньютона здесь царит безвремяе. Будучи потенцией, которая не вызвана к жизни ни казуально, ни каузально, время молитвы следовало бы назвать «онтологическим», поскольку верховодит здесь не прошлое или будущее, а момент «теперь», который не есть дискретный фрагмент некоего потока. Онтологическое время и есть поток, замкнутый на себя. Моменту «теперь» Ничто не наступает на пятки, и Ничто не сверкает пятками, когда он настаёт. Здесь властвует досут Господний, в который и вступает молящийся. Повторюсь, молитву не творят в пространстве-времени, во вселенной Эйнштейна-Минковского, во фракталах, торах или иных геометрических многообразиях. Понять это трудно, если ты не молишься. К тому же, если молитва есть обожение, т.е. мистическое слияние с Творцом, то произойти это никак не может посредством сущего или посредством не-сущего.

Как же время молитвы становится «онтологическим»? Будучи вечным и бесконечным, Бог, — и совершается эта благодать именно в молитве Господней, — редуцирует и сегментирует своё бытие. Творец умалется, чтобы тварь возвысился. Но, встречаясь с глазу на глаз, Бог и человек не знают наперёд, во что выльется их встреча. А всё потому, что время молитвы нелинейно. Но оно и не-эпигенетично, поскольку не содержит зародыша пространственно-временных отношений, которыми время беременеет, чтобы выносить и изгнать плод.

3.2.1.1 Верно, что богослужебные «часы» (службы 1-го, 3-го, 6-го, 9-го часов, а также «стражи») относятся к чину молитвословий, которые читаются в Храме в точно установленное время. И так же верно, что Молитва Господня, в отличие от «часов» и «страж», не требует для себя ни времени, ни места.

И в самом деле, задача «часов» — напоминать о событиях Священной Истории. Часы/стражи призваны взбадривать дух и отвечают за его неусыпное трезвление. Обычно в 1-м часе вспоминаются сцены изгнания из Рая Адама и Евы и суд над Иисусом Христом у Киафы; на 3-м — сошествие Св.Духа на апостолов; на 6-м — распятие Спасителя; а на 9-м — Его крестная смерть. «Часы» вырывают молящегося из цепких объятий повседневности. «Стражи» и вовсе похищают христиан из-под носа у бесов, неустанно/неусыпно нашёптывающих богомерзкие мысли. Умы этих зевак заселяют квартиранты из числа падших духов. Но если «часы/стражи» всё же зависят от времени Ньютона, «онтологическое время» молитвы ускоряется/замедляется и даже трансформируется в вечность. Да и не только время: пространство души раздаётся, разносится, порой до масштаба Вселенной, — а что такое душа, как не вместилище Царствия Божьего, как не местопребывание всех когда-либо произнесённых молитв, всех когда-либо совершённых подвигов благочестия.

3.2.1.2 Верно, что в молитве Господней мир всё ещё не сотворён, а шестоднев совершается всякий раз, когда читается молитвенное правило, что молитва производится обоюдно, что в молитве человек и Бог предстают разомкнутыми структурами с открытой (принципиально незавершённой) внутренней формой.

И в самом деле, Господь вправе продолжать творение человека, его души, но и человек вправе творить Царствие Небесное в своём сердце. И это взаимопорождение,

этот Гексамерон (от греч. ἑξάμερον — «шесть дней»), молитва Господня совершает как в человеке, так и в Боге.

3.2.1.3 Верно, что в молитве нет персон, имён, судеб.

И хотя имяславцы и считали, что «Имя Бога есть Сам Бог/но Бог не есть имя», в молитве нет никаких предпосылок. Молитва беспредпосылочна, и это требование одинаково необходимо как для человека, так и для Бога. Чтобы пройти через рамку металлоискателя, вы оставляете в лотке всё, что звенит. Так и с молитвой — всё, что выдаёт в вас материальный объект, вашу принадлежность к субстанции, субстрату, субъекту, предикату — всё должно быть оставлено за рамкой.

3.2.1.4 В молитву не вступить, когда ты детерминирован. Молитва – индетерминизм.

3.2.1.5 Вступая в молитву, верный не знает – чего просит. И благодаря нестяжательству, вверению себя воле Господней, молитва сама изымает из тебя то, с чем ты пришёл.

Молитва — лестница, по которой Бог нисходит, а человек восходит. Прерванный грехом Богоначальный луч восстанавливается в молитве и образует непрерывное истечение, в результате чего и совершается *апокатастасис* (др.-греч. ἀπο-κατάστασις — «восстановление») и *перихоресис* (др.-греч. περιχώρησις — «взаимопроникновение») Бога и Человека, их взаимный *экстасис* (от греч. ἔκστασις) — иступление, выведение Божественным действием разумной твари за пределы тварного.

3.2.1.6 Молитва – «брак» с Богом, но не морганатический, а по любви, «соитие», которое совершается во мраке, но соитие духовное, где мрак не «альков», а местопребывание Господне.

И в самом деле, «Облако и мрак окрест Его...» (Псалом 96:2); а в другом месте: «И стоял народ вдали; а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исход, 20-21). Но прежде чем сделать шаг в кромешную тьму, и Бог, и молящийся *растождествляются*, лишают себя идентичности, различия. Для этого следует оставить за рамкой металлоискателя всё: и сущность, и ипостаси, и природы, и имена. Освободившись от опосредующих их пут, человек и Бог соединяются в молитве субстантивно. Здесь и совершается синтез тварного и нетварного. Это ещё не теозис (обожение), но горячая вера, лишающая обоих опор на внутренние основание, на авторитет и власть, приносит свои первые плоды.

3.2.1.7 И человеку, и Богу, вступивших в молитвословие, дано побывать в теле «постороннего»: человеку – в нетварном (theosis), Богу – в тварном (incarnation).

И в самом деле, метаморфозы эти совершают не тварь и Творец, а молитва, ставшая, на какое-то время, *субъектом* их субстантивного единства.

3.2.1.8 В молитве и Бог, и человек обмениваются нателными крестиками, – Господь возлагает на свои плечи «удел человеческий», человек – «удел Иисусов».

Выстояв литургию молитвы, её незримые часы, Бог и человек забирают обратно то, что добровольно и по любви оставили у порога «Мрака». Но забирают существенное. Отбив поклоны, богомольцы возвращаются в-себя, окрылённые молитвой и омытые светом истины. Человек и Бог восстанавливаются в природах, ипостасях, энергиях (др.-греч. ἀπο-κατάστασις — «восстановление»), но восстанавливаются по-иному, с учётом опыта *«бытия-во-мраке-Господнем»*. Мрак не следует путать с бытием, Ничто, обоюдным. Мрак — свет, запёртый в-себе. Мрак можно сравнить с чёрной дырой в космологии, из гравитационного плена которой не вырваться ни частице, ни волне.

Молитва не ходатайство, не жалоба, не иск, что с неизбежностью одного превратило бы в прокурора, другого — в подозреваемого, подследственного, подсудимого, осуждённого. Молитва не сделка, делающая одного патроном, другого — клиентом. Цель молитвы — прояснение и умиротворение.

3.2.1.9 Молящийся не требует: da mihi ultimum shirt (отдай последнюю рубашку), а предлагает: tolle omnia habeo (возьми всё, что у меня имеется).

Но как возможно, что, сдав на склад всё существенное, разукomплектовав себя, Бог и человек всё ещё держатся на плаву? Что служит залогом цельности, целостности, гимена Бога и человека, которые, не обладая субстратами, субъектами, предикатами, лишились и существенного своей сущности — природ. Самое время поговорить о Благодати Божьей или энергии, которая есть то единственное, что Творец оставляет за собой, ведь энергия не только питает молитву, но и подкрепляет молящихся.

Живя аристотелевскими представлениями об энергии (ἐνέργεια) и энтелехии (ἐντελέχεια), Василий Великий к свойствам Бога, которые познаваемы, в отличие от Его сущности, причислял ἐνεργεῖα — действия Бога, проявление этих действий или

энергий¹.

Такова доктрина исихазма. Не желая вступать в полемику с ошибочным (на мой взгляд) учением Григория Паламы о множественности энергий и познании Бога не по сущности, а по Его энергиям, я всё же не могу не сказать, что энергия и сущность суть одно и не поддаются различению. Бог непознаваем ни в качестве буквы, ни в качестве сущности, субстанции, ипостаси, природы или энергии. Но есть аспект, который нельзя объяснить иначе, как чудом *бого-данности/бого-взятия*. Это чудо — МОЛИТВА.

3.2.1.10 В молитве человек не познаёт Бога, не уподобляется Ему по образу и подобию, а становится Им. Обожение (теозис) – точка встречи человеческого и божественного на Лестнице Иакова.

Здесь происходит не познание, а опознание Господа в-себе. Здесь Творец не пригlašается, как варяг на трон, а обнаруживается в существе человека, открывается им в-себе как Его априори, но прежде человек должен потесниться в-себе, выделить Богу всё, а себе — закуток. Но причастность здесь не реальная, а номинальная, поскольку все природы и ипостаси свои Бог оставил за пределами молитвы, чтобы не смущать верного. Но и Бог очеловечивается в молитве, познаёт себя в ипостаси человека, как когда-то Бог-Иисус познал себя в ипостаси Человека-Иисуса.

Молитва фундирует обоих. В молитве, став на фундамент «постороннего», каждый отстраивает свою идентичность заново. Восстановление учитывает событие «встречи». А достигнув высшей точки молитвы, душа упирается умными очами в СВЕТ Невечерний. Какова же структура молитвословия как *в-вечности-бытийствующего-Ничтожащегося-человеко-бога*?

Тело молитвы живоначально, т.е. знает зачатие, вынашивание и изгнание плода. Геном молитвы, при всём своеобразии моментов, продуцирует и репродуцирует один и тот же сюжет. Каковы же его перипетии?

1. Растожествление, которое есть:

а) *non est hypostasis* (лат. безипостасность), когда у порога «Мрака» Бог оставляет три Лица Троицеуподобного Бога: своё Отцовство, Сыновство и Святой Дух, что неоплатоники называли Благом, Умом и Душой, а латиняне — *substantia*; а человек кладёт у двери молитвы: субъект; *persona*; личность; при условии, однако, что душа неприкосновенна, что на время молитвы её питают Божественные энергии, и если она и может быть изъята, то не иначе как при особых обстоятельствах — смерти во время молитвы;

б) *namelessness* (лат. безымянность), когда Бог оставляет у порога Имена.

При этом готовность к анонимности выдаёт в Творце высокий моральный дух, бесстрашие перед опасностью и стремление покинуть «крепость», где бы — случись что — он мог отсидеться. «Имя Господа — крепкая башня; убегаешь в неё праведник — и безопасен» (Книга Притч Соломона. 18:11). Но Бог выходит за ворота донжона, который есть Имя Господне. Бог выше имени. Бог не нуждается в именах.

Вспомним удивительную сцену богоборчества Иакова с Богом. «(24) И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; (25) и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. (26) И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. (27) И сказал: как имя твоё? Он сказал: Иаков. (28) И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. (29) Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твоё. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там» (Бытие, 32 глава, ст. 24-29).

Но видя, что человеку хочется знать имена Господни, Бог, скрепя сердце, произносит то, что, скорее всего, человек хотел бы услышать.

«Я есмь Сущий» (Исх. 3:14). Но абстракции и философемы режут слух, мутят рассудки, и Бог переходит на имена собственные: «Ягве (Иегова)» (Быт. 2:2, Исх. 34:6), а в Новом завете: Иисус Назорей (Мк. 10:47, Деян. 2:22), который, очевидно, вспомнил любовь Отца к любомудрию, отрекомендовался так: «Я есть Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14:6).

Но и человек, прежде чем скрестить руки на груди, вскинуть троеперстие для совершения крестного знамения, упасть, чтобы бить поклоны, оставляет своё имя у двери «Мрака».

2. Смерть *vetus* и рождение *novus* человека (лат. *mortem veteris et partum a novus homo*), когда в молитве совлекаются с души одежды ветхие, бросаются как плевалы в огонь, а новую душу, обрезав пуповину (лат. *funiculus umbilicalis*) и послед (лат. *placenta*), Господь умащивает бальзамом Любви и Благодарности, чтобы залечить раны и облегчить боль.

¹ Кривошеин В. Проблема познаваемости Бога: сущность и энергии у св. Василия Великого // Богословские труды. Нижний Новгород, 1996.

3. Новый синтез, когда всё, что оставлено у дверей молитвы, идентичность, от которой отказались (лат. *rejectione prioris identitatem*), претерпевает метаморфоз и новый синтез (лат. *novum synthesis*).

Предположу, что у молитвословия есть своё сердце, глаза, позволяющие видеть молящегося насквозь. В молитве мир созерцается «умными очами», и оптика этого соглядатайства не монокулярная, как в телескопе или в микроскопе, не бинокулярная, как в обоих глазах человека, а тринокулярная, т.е. образуется суммой всех точек зрения, всех линз и диоптрий. Только в таком соглядатайстве Бога, человека и молитвы Господней мир предстаёт тем, что он суть, т.е. очищенным от искажений, дифракций и aberrаций. Как тут не вспомнить слова апостола Павла из его Первого послания к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12).

Таким образом, *ангелы, сопровождающие лучиком света заблудившихся в темноте*, рассаживают публику по стратам, к которым принадлежат их выпестованные или не-выпестованные умы и сердца. С этих мест они созерцают/усматривают феномены.

Молитва — бытие в свете, доставляющем душу в горний чертог. Выходя из зала, когда ещё ползут титры на экране, публика всё ещё связана пуповиной с фильмом. И только спустя время зрители догадываются, что присутствовали на священнодействии. И в самом деле, молитва — то светозарное, светокровное, что светославит и светотворит. Молитва — сонмищнокрыла.

Но не стоит впадать в прекрасноту. В молитве присутствует и мир. Как неразумная, бессловесная тварь, он не может просить за себя и стоит в сторонке, во мраке, как молчаливый укор. Мир ждёт. Он хочет услышать наше ходатайство о нём.

Начала

4. Начала – третий чин в третьей триаде.

О нём вскользь упоминает Апостол Павел. Немногословны и комментаторы. Раз, полагают они, слово «начало» можно трактовать как первопричину и основание вселенной, то Начала, как Богопричастные Умы, должны начальствовать над звёздами и планетами.

К началу относится всё, что случается, всё, что становится атомарным фактом, событием из цепи этих фактов. Всё, что случается впервые. Первое сердцебиение, первая самостоятельная мысль. Первая влюблённость. Первый шаг к смерти.

4.1 Начала в кино – «ангелы, знающие начало и конец света».

Начало было и у кино. Разработки в области кинотехники велись всю первую и вторую половину XIX века. Но первое публичное заседание *синематографа света*, как братья Люмьеры назвали свой первый киносеанс, прошло 28 декабря 1895 года в «Индийском салоне Гранд-кафе» в Париже на бульваре Капуцинок. Чтобы увидеть 10-ть 45-секундных роликов, снятых одним планом, зрители покупали входные билеты стоимостью один франк. Публика состояла из завсегдатаев кафе. Братья Люмьеры создали киноискусство, а не очередной аттракцион. Основали жанры, о чём свидетельствует первая кинокомедия, длившаяся 50 секунд, «Политый поливальщик».

И хотя фильм, с которого началась история кино, «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота», припозднился и был показан только в январе 1896 года, но пальма первенства всё равно остаётся за этой лентой, очевидно, так было угодно *ангелам, знающим начало и конец света*. И пусть клеветают завистники, что публика не вскакивала и не неслась, сломя голову, к выходу из зала, когда поезд, чадя чёрным дымом, вкатывался на перрон. Уж кто-кто, а зрители небесного кинотеатра скажут вам, как сверкали пятки ангелов помладше, когда поезд, грохоча колёсами, вкатывался на первые ряды.

Власти

5. Власти – этот ангельский чин упоминает апостол Павел.

Согласно Псевдо-Дионисию, вся вторая (средняя) триада носит общее название Божественных или Богопричастных Умов.

В главе 8-й «О небесной иерархии» Ареопагит напоминает, что носители этого чина не употребляют «самовластно во зло дарованные владычественные силы», а, насколько возможно, стремятся уподобиться Богу как «Источнику и Подателю всякой власти». На этом фантазия Псевдо-Дионисия иссякает.

5.1 Власти – «ангелы обоюдоострого света». Власть дана как объект, субъект и предикат. Объект власти – безвластие. Субъект – государство. Предикат – закон.

Мир — рулон негатива. И прежде чем попасть на «монтажный стол» к режиссёру (субъекту познания), негатив запечатлевает то, что свет принёс из мира и заточил в его априорном мраке. Предстоит «проявка», когда ум постановщика вытащит из *негатива*, а по сути — из Ничто, *позитив* или сущее. Впереди — редукция, когда бытию, посчитавшему, что оно не зря коптит небо, предстоит лечь на гильотину монтажного стола, где *ангелы обоюдоострого света* лишат его трансцендентальных иллюзий.

Другими словами, свет может выступать и как инструмент власти, — и тогда его достают из ножен как обоюдоострый меч. Почему меч? И почему обоюдоострый?

В послании к ефессянам (6: 17) апостол Павел призывает: «...возьмите и меч духовный, который есть Слово Божие». А в Послании к евреям, в главе 4, стихе 12, говорит: «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого».

Образ меча крайне противоречив. Так в Евангелии от Матфея в главе 10:34-36 Господь говорит: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» И в то же время, когда в сцене ареста Христа Пётр вынимает меч из ножен, Иисус требует: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Мф. 26:52). Похожее предостережение встречаем и в Апокалипсисе, в главе 13:10: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом». Меч не для человека! Меч приличествует Богу. Ведь то, что не позволено быку, позволено Юпитеру! Так, в Откровении, в главе 19, стихах 14-15, Иисус восседает на коне белом, «и воинства небесные следовали за Ним на конях белых... Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы».

Как относиться ко всем этим нестыковкам: как к путанице или как к преднамеренному сокрытию истины? И в самом деле, в одном месте Писания мечу следует покоиться в ножнах, в другом — поражать и притом не врагов, а «народы»!

Приведу пример, который всё разъяснит. Во время пасхальной вечера перед уединённой молитвой в Гефсиманском саду Иисус напоминает ученикам, что время, когда он попечительствовал над ними, закончилось, что теперь они сами в ответе за свои поступки. Евангелист Лука в 22:35-38 даёт трогательное описание прощания Христа с учениками накануне его ареста и казни. Удивительная сцена. И каким драматизмом напоён воздух. Как лаконичны слова, которыми Христос обрывает наивные, как ему кажется, аргументы учеников. Послушайте трагическую и одновременно хрупкую, как горный хрусталь, музыку этой сцены: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем (36). Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; (37) ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: «и к злодеям причтен». Ибо то, что о Мне, приходит к концу. (38) Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно».

Это «довольно» дорогого стоит. Произнеся: «довольно», Господь вложил в наши руки ключ ко всем случаям употребления в Библии слова «меч». Меч — это и *гладиус*, или *гладий*, короткий римский меч легионера, и *кинжал* разбойника, и *нож* для жертвоприношений... В Православии это *копье* для разрезания просфор.

«Довольно!» — этим жертвенным ножом Христос разрезает пуповину, скреплявшую Его и учеников. Младенец изгнан из утробы. Ему суждено или сделать самостоятельный первый вздох, первый крик, первый шаг, прежде чем стать **ЦЕРКОВЬЮ**, соборным человечеством, «новой тварью», или умереть от гипоксии — удушья от пуповины или от зелёных околоплодных вод.

Решено, говорит Господь! Теперь не человек из плоти, не Человек-Иисус, а Бог-Иисус, ставший СЛОВОМ, будет сопровождать учеников в их жертвенном служении.

Ангельский чин Власти, который в кино воплотили *ангелы обоюдоострого света*, стремится не к утверждению земной власти праведных государей, как полагают комментаторы Библии, а рассекает всякую душу обоюдоострым мечом слова Божьего. Каждый акт мысли чего-нибудь да стоит, если он одновременно направлен острием интенции и на мир, и на себя. И в этом вскрытии своего имманентного, запертого на засовы априоризма есть высокий смысл.

5.2 Самопознание не только рефлексия, но и ещё «что-то». Это «что-то» — попустительство миру смотреться в меня как в своё зеркало.

В кино подобные само описания локализованы в политических дискурсах. В фильмах, говорящих о власти, о правителях, о народах. Возьмём, к примеру, царя Иоанна Васильевича Грозного. О самодержце снят не один фильм. Вспоминая их, невольно задаешься вопросом — что такое исторический жанр, какими границами он располагает? Порой, реанимируя прошлое, историки доверяются черепкам, которые им подбрасывают. Казус Грозного в этом смысле типичен. Хроникёры, пишущие о нем — сплошь пуритане. В Иване они видят подростка — необузданного и жестокого. Самодержцу отказывают в уме и сердце. Грозного проклинают. И в то же время желают обжечься жаром его страстей и побывать в адских куцах, куда, гонимая

постами и молитвами, захаживала его душа. Человека, конфликтующего с совестью, грешащего, чтобы затем каяться, нельзя упрощать. Личность царя, половинка которой принадлежала Ренессансу — с его страстями, а другая Средневековью — с его фанатизмом, может быть понята лишь в раскрытии этого конфликта. Все полярные точки зрения не стоят выеденного яйца.

Те, кто видят в Грозном позера, скрывавшего за богословской риторикой абсолютистские амбиции, — крупно ошибаются. Драма Ивана IV, его трагедия, если угодно, была в неспособности совместить *ideal*, которому он служил, с реальными нуждами тех, кого он хотел осчастливить. Судите сами: Грозный возложил на себя венец царя, чтобы узурпировать власть — как религиозную, так и светскую. Была ли это тирания в чистом виде или своего рода «путь к спасению»? Скорее — второе, чем первое... Ясно, что целью царя был не абсолютизм, как таковой, не власть ради власти. Грозный пытался стать отцом народу, его архипастырем, чтобы вершить Суд Божий «на земли», яко Тот вершит его «на небеси». Эйзенштейн, снявший фильм о Грозном, определил миссию Ивана IV — в «укреплении единства державы Русской». Я бы добавил — в желании самодержца «наделять сирот своих отцовской любовью», которой царь Иоанн, с потерей обоих родителей, так и не дождался от опекунов.

Кто только не бросал камни в огород царя, кто только не ставил ему в вину опричнину! Но почти все критики русской государственности умалчивают о том, что опричнина Грозного была его реальной, а не спекулятивной попыткой построить «Царство Божье на Земле», где Грозный — игумен, а опричники — братия. Иван Васильевич был, прежде всего, политиком и воспринял «Византийское наследство» буквально как теократию. И строил Грозный теократическое государство, не считаясь с жертвами. Но Грозный знал поименно всех, кого сгубил. Перед смертью Иван IV составил «Синодик опальных» для церковного поминовения лиц, пострадавших в годы его царства. В синодике он прощал казнённых им бояр и жертвовал монастырям на помин их душ крупные денежные суммы. Царь отмаливал грехи в церквях. И, стоя на коленях перед святыми иконами, испрашивал у Бога Царствия небесного для тех, кого лишил царствия земного.

О чём этот пример? Да о том, что мысль не очистить от фракций, что из-за каждой чистой идеи, счастливо избавленной от естественных установок, кажет нос жизнь, которую не элиминировать, не разукомплектовать, не сдать на склад.

Силы

6. Силы – об этих ангелах второй триады два раза упоминает апостол Павел.

«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другое какое творение не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Послание к римлянам, глава 8, стихи 38-39). И в другом месте: «И как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию *державной силы* Его, Которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, Превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем...» (Послание к ефесянам, глава 1, стих 21).

Комментаторская литература полна фантазий. Под *силой* в них подразумевается благодать совершать чудеса, которую ангелы ниспосылают на праведников. Эта миссия Сил, однако, ни в Ветхом, ни в Новом Завете не подтверждается. Но стоит обратить внимание на стихи с 19-го по 20-й, которые мной процитированы, где речь идёт о силе, — кстати, слово написано с маленькой буквы, в отличие от Сил как ангельских чинов, — так вот эта сила с маленькой буквы, о которой говорится в пробор, названа апостолом «державной». А ещё выясняется, что она «действует» в нас и отвечает за нашу веру в могущество Господа.

При этом эта сила, напрямую не увязанная с ангельскими чинами Сил, совершает воистину великие дела: **во-первых**, она воздействует на нас, подвигая к вере и, очевидно, подкрепляя её действием, если собственных сил в нас недостаёт; **во-вторых**, эту державную силу Господь использует для воздействия во Христе, чтобы этим воздействием, которое стало возможным благодаря «державной силе», воскресить Мессию и посадить одесную Себя на небесах... Удивительные дела вершит эта сила с маленькой буквы! Стоит задуматься об этой «державной силе», которую апостол пишет строчной буквой, — уж не ангельский ли это чин Силы, которая таится, чтобы не ввергнуть в искушение?

6.1 Силы в кино – «ангелы, заслоняющие свет крылом».

Разве нужно заслонять свет? Разве свет не благодать? Благодать. Но одного свет согреет, другого — опалит. И ангелы решают: кому и сколько отпустить света. В кино

есть такая технология, а вместе с ней и люди, занимающиеся регулированием света. Это захваты или «Grip» (**job**). Иногда полезно убрать слишком мощный луч с лица актёра. Но часть света всё же оставить. Захваты помогают оператору, который в этом случае работает со светом как скульптор, решающий — что отсечь, а что оставить. Здесь резец — флаг. Под флагом, который называют *твердым телом* или *гобо*, подразумевают металлический каркас, или обод, обтянутый чёрной тканью. Им защищают пленер, натюрморт или лицо от излишка света (пересвета). Флагом моделируют тени, проваливают во тьму предметы, вытаскивают из мрака небытия существенное. Например, в чёрно-белых лентах 40-х, 50-х годов, снимая крупные планы, операторы половину лица — как правило, глаза — погружали в полумрак, чтобы блеск белков глаз придавал выразительность лицу.

6.2 Флаг и грип – родбытия мысли, инстанция «редактора» в бессознательном.

Ангелы, заслоняющие свет крылом, регулируют давление события или факта на квалиа. Захваты отвечают за явление. Как повивальные бабки, знающие толк в родовспоможении, они следят, чтобы недо-экспонирование (мрак) или пере-экспонирование (пересвет) не лишили ум предмета, которому так и не довелось родиться, захлебнувшись в околоплодных водах.

Мысль дуалистична... Она и *субстрат* (камера-плёнка-кинопроектор), и эйдос (светлые духи, устремлённые в пучке света к экрану). В луче, бьющем из будки, публика видит броуновское движение пылинок, а вот жук пересёк луч или струйка дыма, клубясь, вздымается над головами зрителей — так курильщик обозначил себя. Но стоит потоку фотонов, обладающих энергией, импульсом, нулевой массой с длинами волн в вакууме 380-400 нм (750-790 ТГц), столкнуться с экраном, как происходит то, что алхимики называли трансмутацией, а христиане — чудом. Всё, что запечатлено на плёнке, что до поры до времени таилось, запертое на засовы априори, торжественно печатает шаг. На экране моря и горы, звери и люди — твари божьи. Их зачал, вынес и изгнал из-себя Богоначальный луч. А вот и ангелы. Им любопытно, как по стене платоновской пещеры снуют тени. Но «тени» губительны для смертных, и *ангелы, заслоняющие свет крылом*, делают идеи невидимыми. Исключение — дети. В толще света, бьющем в экран, они различают идеи, эйдосы, ангелов... Правда, повзрослев, утрачивают этот дар.

Господства

7. Господства – не ищите в Ветхом Завете. Но и в Евангелиях об этом чине говорит вскользь лишь апостол Павел.

Всё, что известно о Господствах, открывающих вторую триаду, укладывается в предложение: «ибо Им, т.е. Господом, создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано (Послание к колоссянам, глава 1, стих 16).

То, что говорят о Господствах апокрифы и святоотеческая литература, — не более чем фантазии. Согласно мнению, раз имя ангелы носят «Господство», то, следовательно, они господствуют. Над кем или чем? Над царями и сильными мира сего, разумеется. А ещё — над грехом. Но таковы функции всех ангельских чинов. Поэтому я не буду брать в расчёт эти соображения.

7.1 Господства в кино – «ангелы, прореживающие тьму светом».

И в каком-то смысле они действительно господствуют над тьмой. В кино эквивалент этим ангелам составляют: съёмочная аппаратура, оптика, грип, световые приборы, кран-стрелки, лихтвагены и в целом кинооператорское оборудование.

Господства прореживают тьму светом, чтобы мир, сотворённый Богом, предстал глазу в объёме. Этот объём и глубину обеспечивает СВЕТО-ТЕНЬ, без которой мира объектов не существовало бы. Глаз просто их не увидел бы. Объекты или залеплены светом — пере-экспонированы; или погружены во мрак — недо-экспонированы. Ясно, что перебор и недобор коррелируют с мышлением — излишне напористым; недостаточно активным.

7.1.1 Бог, ангелы, идеи, т.е. гипостазированные объекты – одномерны.

Речь о таком логическом пространстве, где геометрическая точка (факт) на плоской шкале или бесконечной прямой (предложение) распаковывает размерности (условия истинности) вплоть до Абсолюта. А будучи Универсумом, сворачивает размерности вплоть до геометрической точки. Этот перенос (контр-перенос) идеальных объектов в-себя и из-себя и составляет предмет божественной конверсии/инверсии или её «сюжет».

В отличие от *идеальной*, эмпирическая реальность — трёхмерна. Объёмными

трёхмерные объекты делает свето-тень. *Ангелы, прореживающие тьму светом*, регулируют его поток. Пройдя через линзу объектива, свет доносит до плёнки только то, что прихватывает по пути. Речь об атомах, от которых свет отразился. Свет убавляют или прибавляют. Говоря «свет», я имею в виду разум, который что-то ставит в «просвет», а что-то убирает из «просвета».

7.1.2 Там, где объект в фокусе (дан и взят), мир логически уяснён/до-уяснён, а умопостижение и умопостижаемое образуют тождество.

Область резкого изображения ещё называют рабочей плоскостью. Плоскость стиснута со всех сторон не-представимым/не-выразимым. Между *явлением* и *предметом* лежит *сфумато* — область расплывчатого изображения. В логике это тавтология — утверждение, истинное во всех интерпретациях. Противостоит тавтологии **фокусник**. Обладая остротой взгляда, этот взыскующий истины ум, выпестованный помощником кинооператора, определяет с помощью металлической рулетки (интенции) фокусное расстояние (объём понятия) от объектива кинокамеры (естественные установки сознания) и до крупного плана артиста, чьим глазам предстоит выразить удивление, восторг или ужас (узрение/уяснение сущностей).

7.1.3 Фокусник исследует непродуманное/непрожитое с рулеткой в руке, чтобы знать расстояние в уме до трансцендентальных иллюзий.

Фокусник — хватательный жест ума, его трансцендентальные способности. Фокусник — эпохэ в самом эпохэ. Он не кондотьер и не конкистадор. Его вылазка в не-представимое/не-выразимое не ставит целью анекдотическую мыслью Ничто. Фокусник — инстанция «буквы в бессознательном». Но есть Фокусник, определяющий расстояние до резко-очерченного изображения «на глаз», не доставая рулетки из широких штанин. Это Господь! Его Всевидящее Око!

Таким образом, смотрящий и высматриваемое, фокус и то, что в фокусе, пребывают в существе друг друга не как господин и прикорнувший раб, в которого тычут стимулом, а как граждане полиса, владеющие «ойкосом» (домами). И *ангелы, прореживающие тьму светом*, выслушивают как свет, так и тьму беспристрастно. Ведь мрак не зло, не отпавший дух, не медвежий угол, где погибель вьёт гнезда и выводит птенцов, а *тварь*, в которой Господь пребывает даже чаще, чем в *нетварном*.

7.1.4 Верно, что Бог изобрёл кинокамеру с лентопротяжным механизмом, грейфером, фильмовым каналом и объективом, т.е. — способность суждения.

Бог создал грёзу, но, чтобы её запечатлеть, нужно отшлифовать линзы (категории) и выпестовать глаз (рассудок). Инструменты понадобились Творцу, чтобы узнать что-то существенное о мире. Каков он? Хорош, но насколько? Плох, но в чём? Так самый непосредственный из Умов опосредовал рефлексию, создав режиссёра, — вольноотпущенницу мысль.

Здесь самое время рассказать об ангеле-шлифовщике, который возгордился и отпал от Бога-Кинематографиста. Сделал он это, разумеется, чтобы вооружить человека линзами, которые позволили бы увидеть бытие в искажённом свете. Грехопадение — ОПТИКА, дурачащая простаков всеохватностью взгляда — так появился объектив «Рыбий глаз», — дроблением целого — так была создана линейка объективов с фокусным расстоянием: 16, 35, 50 75, 120, 240 и даже 500 миллиметров. Алчность соорудила турель — насадку для объективов, чтобы менять их по щелчку пальца. Новшество позволило уму обзавестись бесконечным числом точек зрения, что устранило истину и потребовало от универсалий забиться в медвежий угол. Так были узаконены конвенции, с помощью которых *сущее* насаживалось на кончик языка/пера, а затем препровождалось на пыльные полки библиотек.

На вершине прогресса, последовательно воплощавшего претензию ГЛАЗА на роль Всевидящего Ока, очутился объектив с переменным фокусным расстоянием — **трансфокатор** (англ. Zoom, Trans Trav, Dolly Zoom). Этот протез ума создал Люцифер. Его антипод — **traveling**, объектив, установленный на тележку, кран-стрелку или стедикам. В первой стратегии мысли-линзы охотятся за объектами, выхватывают и доставляют их рассудку, остающемуся внутренне безучастным (*das Man* Хайдеггера); во второй стратегии мысли-линзы совершают паломничество к вещам, оберегают их целостность, гимен («сиюбытность» В.Библихина, «топология пути» М.Мамардашвили).

Как предметы феноменологии, *traveling* серафима и *zoom* сатаны представлены в афоризмах 5.41-5.52 трактата «Тринокляр». Я намеренно сделал один трактат предложением, а другой — глоссой. Впервом «непредставимое/невыразимое» заявлено как дихотомия мысли/Ничто, во втором — как различие истины и тавтологии на примере религиозного дискурса. Оба трактата образуют кровоток, чьи сосуды шунтируют, чтобы удалить тромбы и облегчить эвакуацию трансцендентального Я, если таковая потребуется.

Престолы

8. Престолы – согласно Ареопагиту «Богоносны»: на них Господь восседает как на престоле и судит грешников.

Данте в «Божественной комедии» («Рай», песнь 9, б1) называет троны зеркалами, читая в которых, райские души предсказывают будущее. Престолы – седалища, ибо на них почивает Бог. Что же делает Бог, восседая? Псалмопевец Давид восклицает: «Ибо Ты производил мой суд и мою тяжбу; Ты воссел на престоле, Судия праведный» (Псал. 9, 5). Другими словами, Бог вершит правосудие. Престол – стул председателя суда. На него судья садится, выйдя из совещательной комнаты, где вынес заключение по делу. Но возникает противоречие: произноса вердикт, судья стоит. Поза эта символизирует примат правосудия, которое выше процесса. Следовательно, престол поставлен не Богом, а подсудимыми. Престол – символ не суда, а разбора дела, заслушивания сторон, прений, которые Господу следует наблюдать непредвзято. Бога уместили на прокрустово ложе человеческого ума. Ведь трон не столько символ власти, сколько «шесток», с которого не слезть.

8.1 Престолы в кино – «ангелы, начинающие свет аргументами сторон».

Процесс утомляет, и совещательную комнату Бог готов променять на съёмочную площадку. Он незримо тaitся за плечом режиссёра. И, зная, что Бог выслушает каждого, мы ставим перед объективом камеры свои онтологические аргументы, жалобы и ходатайства. Иногда «тень» Творца попадает в кадр... И, очертив её контур, мы гадаем по нему, как по кофейной гуще. Творческий акт – уплата судебной пошлины.

Мысль и есть ангел, поставляющий свету аргументы. Как это происходит?

Задавшись целью показать на экране «жизнь», престолы отбирают явления, достойные «съёмки» (объективации). Кадр – то, что выставлено перед камерой.

Чувственность напориста, но мысль унимает её аппетит. Так появляется плановость: деталь, крупный план, средний план, общий план, панорама или тревеллинг. Ум решает, как долго акту куковать на кончике языка/пера. Здесь и выясняется, что и время не лыком шито. Будучи отпущено на вольные хлеба, оно разминает гипостазированные объекты в своих цепких пальцах.

Херувимы

9. Херувимы – ближе прочих к Богу наряду с Серафимами. Херувимы многоочие, сияют светом Богопознания и других просвещают.

Имя Херувим в переводе с древнееврейского языка значит: многое разумение...

9.1 Херувимы в кино – «ангелы, торящие путь к свету». Они ведают, что на Уме у Бога, и знают, о чём думают смертные.

Ангелы, торящие путь к свету, помогают понять Бога, а Богу понять людей. Познание – изгваздывание, оцарапыванием ума о бытие и бытия об ум.

Истина не «есть» тождество познаваемого, познания и познающего. Тождеству препятствует экзистенция, – вот что вставляет палки в колёса познанию, требуя учитывать гендер, страту, кинестезивные ощущения и даже боль.

Серафимы

10. Серафимы – в переводе с иврита «пылающие», «огненные». Серафимы наиболее приближены к Богу.

Пророк Исаия утверждает, что серафимы шестикрылы, что двумя крыльями они прикрывают лица, двумя ногами, двумя летают, вознося хвалу Богу: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» (Книга пророка Исаии. 6, 2-3). Серафимы прикрывают крыльями глаза, чтобы не видеть Лиц Святой Троицы... Серафимы пламенеют от любви к Господу и других возбуждают к такой же пламенной любви...

10.1 Серафимы в кино – «ангелы, совлекающие свет в пучок». В земном кинематографе роль таких ангелов принадлежит авторам: сценаристу, режиссёру и композитору.

Ангелы, совлекающие свет в пучок, удерживают сознание на своих плечах, как Атлант – небосвод. Собственно, эти чистые акты отвечают за мысль, за интуицию, как за сущностное видение, непосредственное созерцание.

10.2 Свет, бьющий из кинопроектора – явление, данное уму в форме ноэмы и ноэзиса.

Бог не держится за сценарий. Бог – Автор, который всегда «на сносях». И часто, устав от собственной плодовитости, Бог поручает надзор за бытием режиссёру. Его функция – цепким взглядом инспектора подмечать изъяны сущего.

10.3 Верно, что мысль – воображаемое без воображающего.

10.4 Энергия познания не экстатична, а топонимична.

10.5 Мысль передвигается по-пластунски. Мысль босячит.

Получив на руки сценарий, режиссёр выбирает объекты для съёмок из «очевидностей», которые, как «естественные установки» (наивная вера в «мир вещей»), следует избавить от иллюзий. «Выбор» объектов съёмки — пролегомены к познанию. В отборе угадываются предпочтения постановщика, ведь другая география им отвергается, бракуется, как не соответствующие «видению». Но прежде чем выехать на «выбор натуры» («объектов», обозначенных в режиссёрском сценарии словосочетаниями: «двор-колодец», «трибунаишподрома»), — постановщик воображает эти объекты. И такой же отбор на небесах совершают *ангелы, совлекающие свет* в лучок. И ангелы, и режиссёр проводят «кастинг» из воспоминаний и представлений. Таким образом, прежде чем нацелиться на объект, интенция создаёт его идеальный конструкт и даже запасается предварительным инструментарием, который пустит в дело, когда явление заявится с пёстрой толпой феноменов, желающих составить ему компанию.

10.6 Мысль – репетиция, где сознание, сознаваемое и сознающее читают по ролям, разбирают характеры и разводят мизансцены.

Но прежде, чем приступить к съёмке, ангелы репетируют на натуре или в декорации. Репетиция — разводка мизансцены с актёрами с привязкой к конкретным точкам на местности, важным деталям интерьера или пейзажа. Идя на деловую встречу, любовное свидание или преступление, персонаж оказывается у дерева в лесу или у книжного шкафа в кабинете. Зная эти точки, оператор выставляет на них свет, фокус, обсуждает с режиссёром — какие участки прохода снимать с «любовью», а какие — «в пробор», «как рука ляжет». Так мысль торит тропу в непродуманном, непрочувствованном, непрожитом.

10.7 Если есть различие, которое себя делает различаемым, т.е. разваливает понятие себя на череду моментов, то это – Бог.

И в самом деле, в контексте догматики Тринокуляр есть тварь, возвысившаяся до Творца в акте обожения (теозиса). Тинокулярен человек, преодолевающий свою ветхость как пути. Повторюсь. Тринокулярно сознание, личность, но не мир, лежащий за пределами ума. В триединстве опыт добыт в складчину бытием, умом, небытием. И только то, что осмысленно, тринокулярно. Трипостасность и есть сознание этой складчины, в результате чего образуется самоё само триумвирата, его самость, его тринокулярный субъект. Этот деятель не дан себе как рок, причина или случай, но порождается актом согладаятайства и полагания, входящих в триаду универсалий. В структуре тринокулярного субъекта возможна конверсия/инверсия, когда различающее, различаемое и различённое не знают моментов и существуют в неразличаемом единстве «теперь», которое, однако, не есть время, темпоральность, но есть мысль, т.е. то, что существует *притворно*. А мысль, чья реальность не ограничена рефлексией, схватыванием/само-схватыванием, мысль, полагающая себе как своё содержание, так и форму, мысль, лишь крылом задевающая бытие и Ничто, но подолгу не чаёвничаящая в обоих, мысль, чередующая шестодневны и большие взрывы, — всё это есть Бог. И в Уме/Нусе, в Софии, Премудрости Божьей, тринокуляр есть тот вольноотпущенник, который сам, по собственной воле и по благословию Господа, инспектирует творение, пишет отчёты, ищет и латает прорехи. Тринокуляр есть, таким образом, тварь, подновляющая себя. Но наукоучение не готово к тому, чтобы признать конверсию/инверсию, чтобы допустить афферентацию как всеобщий принцип, а за бытием и небытием признать ум, пусть и своеобразный. По этой причине тринокулярная онтология и гносеология логически завершают дело философии, но не ставят точку на последней странице рукописи, чья белизна режет глаз, а ветер треплет её никем не прошитые листы.

Подведу итог. Концепт Бога-Кинематографиста не противоречит ни Богу-философов Паскаля, ни Богу-часовщику действов... Попав в объектив, оказавшись в фокусе, мир становится «кадром». Здесь свои законы: одно киногенично, другое некиногенично, т.е. блекло, тривиально. Киногения не терпит реплик, повторов, серий. Киногения — то, что совпадает с собой, что выражает себя абсолютно в единстве внешнего/внутреннего. Примером того, как киногения совершает перенос (контр-перенос) в структуре вещи, понятия, извлекает из смысловой дрёмы существенное, а несущественное уводит с глаз долой, может служить визуальный язык кино, в частности способ, каким Акира Куросава показывает смерть балагура Кикутие (Тосиро Мифунэ) в «Семи самураях». Полюбившийся публике самурай самозванец, получив огнестрельное ранение, падает в дождевую лужу. Крупно показана его обнажённая нога, с бедра и голени которой струйки дождя смывают налившую грязь. Момент смерти дан ненавязчиво, с протокольной дотошностью и одновременно без надрыва, экзальтации и неуместного пафоса. Смерть стыдливо прячется за ширму из визуальных метонимий и метафор.

Истинно то, что киногенично, т.е. не всё, что отображено. Отображение и выражение различаемы. Киногения выражает существенное в отображаемом. Существенное не лежит в области тавтологии. Киногения и тавтология антагонисты. Киногения вводит противоречие в тавтологию, поскольку исследует живое, то, что заткано под подкладку бытия, что скрывает покров под покровом, что есть единичное и особенное, чего не желает знать тавтология, для которой любые пропозиции истинны. Живое — то, что раздираемо конфликтом формы и содержания. Киногения и разрешает этот спор, этот агон в пользу живого. Киногения есть акт мысли, кратчайшим путём добирающейся до своего априорного истока, минуя цепь дефиниций. Киногения высказывается о мире посредством образа, внутренняя форма которого тождественна структуре атомарного предложения, но не сводится к нему. В киногении существенное выкрикивает себя, если речевой аппарат не сдавлен спазмом, а звук, генерированный говорящим, не искажён ламдацизмами, ротацизмами, стигматизмами. Киногения — якорь, потянув за который означающее вытаскивает означаемое. Но вернёмся к смерти Киккутиё. Сама природа очищает и омывает бездыханное тело самурая, торопясь совершить погребальный обряд. Белизна тела режет глаз. Сцена показывает неотвратимость погибели, но благодаря кинообразу смерть явлена не в форме абстракции, понятия или идеи, а в уникальной (как отпечаток пальца) изобразительной метафоре. Этот троп и есть самоё само истины и в то же время этот троп есть условие истинности, которое само себя презентует.

10.9 Почему А-типичной ангелологии не стать «типичной»... Вместо эпилога.

Итак, Бог ноумен без феномена, множество без подмножеств, пресуппозиция без пропозиции, субъект без предикатов. Бога нельзя залучить на огонёк референциями и инференциями, экспликатурами и имплицатурами, — речевое это многоцветье Бог пропускает мимо ушей. Бог равнодушен к плетению словес и отдаёт должное трепету в словах. Живое просторечье, прорезавшееся, как молочный зуб, впечатляет Бога куда сильнее изысканного нарратива. Сбивчивому, спотыкающемуся о себя слогу, если в нём теплится огонь веры, Бог благоволит. Речевые же ухищрения оставляют Его равнодушным. Тех же, кто заискивает, валяется в ногах или рубит правду с плеча, Бог не слышит. И чем пышнее слог, чем церемоннее вопрошание, тем крепче Его дрёма. Но Бог приветлив и чуток к каждому, кто чист душой. И порой ветреник, вдруг застывший посреди шумной толпы от предчувствия в себе Царствия Небесного, достигает божественного слуха одним только придыханием.

Здесь я ставлю точку. В трактате я доказал, что разум и интуиция одинаково ущербны в качестве инструментов познания. И даже если кто скажет: «удостоверяю, что Бог есть», из чего это следует? Здесь самое время произнести: *Sola fide!* Ибо «верою и сама Сарра, будучи неплодна, получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший» (Евр. 11,11). Ибо «блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20-29). Ибо «всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21,22). Ибо «верующий в Меня, если и умрёт, оживёт. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрёт вовек. Верешь ли сему?» (Ин. 11-25,26)... Но я всё ещё не осмеливаюсь сказать: «Да!» Была бы вера моя крепка, как меч, не пришлось бы писать трактат. Но если бы я уверовал горячо и страстно, как передать другому то, что испытываю, как внутреннюю верификацию/фальсификацию сделать внешней, как имплицировать то, что очевидно лишь мне? Ответа не нахожу. Чтобы мыслить о Господе, нужна не одна лишь вера в Бога Живого, но и любовь к слову, ибо: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13, 1). Предстоят изыскания. Предстоит изгваздаться о кромку бытия и небытия. Предстоит взять бремя мысли, взвалить крест познания. В одиночку! Сообща! Соборно! И если Бог — луч, а мысль светоносна, светозарна, светославит и светотворит, то Мысль и Бог — одно.

Я указал на *средостение* как на местопребывание Мысли. И поскольку мысль не супервентна ни на физическое, ни на органическое, ни на биологическое, ни на социальное, ни на искусственный интеллект, то она и не существует вовсе. Мысль не принадлежит бытию — ни как сущее, ни как существенное, ни как чтойность. А поскольку мысль не «есть» субстрат, субстанция, предикат и субъект, то единственное определение мысли, не претендующее на дефиницию, сводится к тому, что мысль «есть» абсолютное небытие, т.е. Ничто. Отсюда лемма: мысль то, чего нет, не было и не будет. Иное — абсурд.

Я ввёл в философию *тревелинг* и *трансфокацию*. Первый сохраняет целостность объекта, подталкивая его к самораскрытию; вторая вторгается в объект в ходе экспансии, где уму предписана роль кондотьера и конкистадора. Я дал феноменологию, используя в качестве тезауруса кинометафоры и кинолексику. Удалось ли? Не мне судить.

Санкт-Петербург, 23 февраля 2023 г.